

Ника Януш

В ЛЕТАРГИЮ И ОБРАТНО

Ее зовут Лана Косьмач и ей тридцать лет. Она живет в большом городе, работает в рекламном агентстве (очень много работает) и... ненавидит свою работу. Ненавидит расписывать и переключать бумажки с утра до ночи, ненавидит рождать оторванные от жизни идеи, именуемые «креативом», устает от нервных клиентов, беззастенчиво качающих свои права.

Но она любит Антона, путешествовать и мечтать. Мечтать, например, о том, как изматывающая опостылевшая работа когда-нибудь закончится, как они с Антоном купят домик на берегу моря, как посетят интересные уголки и страны. И как она будет писать книги.

Вообще писать книги и жить так, как самой хочется, а не диктуют обстоятельства, — это мечта Ланы. Робкая, несмелая, неправильная мечта. Мечта, противоречащая представлениям об успехе — кресле директора агентства, модном авто, трехэтажном коттедже за городом. Лана долгое время думала, что именно это — кресло, машина, особняк, уважение среди рекламной тусовки — всегда было ее желанием и жизненным стремлением. Но чем дальше, тем больше мысли спутаны, а Мечта крепко засела в голове и не отпускает. В растерянности, нерешительности и со слезами на глазах Лана ступает на такую зыбкую территорию — в Неизвестность, на путь к Мечте.

Книга «В летаргию и обратно» Ники Януш заставит каждого читателя остановиться и вспомнить о своих мечтах, поверить в собственные силы и не откладывать больше свою жизнь и желания в долгий ящик.

Ника Януш В летаргию и обратно

31 мая: День, когда я снова рано приползла домой

— Я невероятно за тебя рада, дорогой. Теперь у вас — семья, и все радости и горести вы будете делить пополам. Поздравляю с этим важным событием в твоей — вашей! — жизни. Это так здорово, когда жена тебя утром встречает с работы... — произнося поздравительный тост, я заметно нервничаю.

Тут же слышу вначале одинокий сдавленный смешок, а затем раздается дружный хохот. На меня смотрят коллеги, и я не могу сообразить, в чем дело.

— Так здорово, когда жена тебя утром (!) встречает (!) с работы (!), — с ударением на последних трех словах повторяет моя коллега Дарья и заливается смехом.

Миша, сотрудник нашей компании и мой подчиненный, который в минувшую субботу женился и теперь стоит посередине конференц-зала офиса, где организовал фуршет по этому случаю, тоже смущенно улыбается. Ему наверняка никто не желал приползть под утро домой в объятия жены.

Надо же так опозориться с тостом!..

(И вот уж воистину: у кого что болит.)

Я залпом выпиваю вино, заедаю бутербродом и отхожу в сторону. Мне надо затеряться в толпе и перевести дух.

Сейчас сотрудники поднимут пластиковые «бокалы» еще пару раз, затем первые ласточки начнут уходить по-английски, другие — разделятся на группы, одни из которых вскоре вернуться на рабочие места доделывать то, что не успели днем, а самые активные продолжат празднование вне стен офиса — завалятся гурьбой в ближайшее кафе, закажут водки, которую, как шутят у нас в офисе, станут закусывать виагрой. По иронии судьбы после сегодняшнего празднования своей свадьбы в офисе Миша действительно имеет все шансы вернуться домой к жене под утро.

Я сегодня среди тех, кому надо еще поработать. Поэтому подливаю себе вина и возвращаюсь на рабочее место.

* * *

Я с ожесточением тру глаза — спать хочется до ужаса. Но, похоже, мой рабочий день не закончится никогда. Сажу в офисе и смотрю на часы: полпервого ночи, а работы еще невпроворот. Снова придется сидеть до упора.

Я тружусь в рекламном агентстве. Оно довольно модное, и солидных клиентов у нас очень много, а вот сотрудников на всех не хватает. Текучка кадров у нас катастрофическая: как только желторотый птенец поработает под моим крылом полгода-год, он начинает считать себя гуру пиара и рассылает резюме в надежде найти местечко потеплее. Деньги у нас платят небольшие, пахать надо не по-детски, а это любят не все. Многих моих ассистентов сманивают наши же солидные клиенты, предлагая и зарплату побольше, и объем работ не в пример меньше, ведь всю черную работу можно поручить своему агентству. А самому просто тусоваться на вечеринках и презентациях фирмы.

Сейчас я заканчиваю разработку презентации как раз для одного из своих постоянных клиентов — завтра в десять утра состоится ее защита. Не опоздать бы! Если клиенту идея понравится, он отвалит нам бюджет, агентство заработает денег, а руководство меня похвалит и премирует, если будет в добром здравии и расположении духа. Впрочем, похвалы и премии случаются далеко не всегда, вернее, крайне редко, но от этого они не перестают быть очень популярной морковкой для ослика в нашем агентстве.

Мой отдел (фактически я сама, так как на моих ассистентов, глядящих в оба и ждущих,

чтобы их кто-нибудь сманил, надежды всегда мало и увольняются они в самый неподходящий момент) ведет пять клиентов. Это и оператор мобильной связи, и бренд бытовой техники, и бренд вина, и торговая марка обуви, и даже один банк. В последнее время удачных пиар-кампаний становится все меньше, и клиенты ропщут. Не то чтобы я проводила плохие или скучные пиар-вечеринки и презентации, дело не в этом. Дело в том, что СМИ не хотят писать об очередном снижении тарифов на звонки внутри мобильной сети и убеждать своих читателей, что звонить дешевле отныне можно лишь в лаврский колокол. Вместо этого они предпочитают поставить в номер свежие сплетни о Бритни Спирс или Пэрис Хилтон. И я их прекрасно понимаю. Действительно понимаю. Но поделаться ничем не могу, так как у клиента новостей нет, а внутреннему пиар-департаменту заказчика необходимо отчитаться перед руководством об освоении выделенного на рекламу и пиар бюджета, поэтому он настаивает на освещении даже такого shi-i-it, как говорят у нас в агентстве.

Я вновь смотрю на часы: пять двадцать утра. Пора домой, надо успеть принять душ, ведь в десять уже эта чертова презентация.

Вызываю такси и вскоре мчу по утренним улицам города домой. Киев уже просыпается. Уже пошли первые троллейбусы, автобусы и маршрутки, через двадцать минут откроется метро, но на общественном транспорте я сейчас дорогу домой просто не осилю. Агентство всегда компенсирует нам стоимость такси, эта статья расходов у нас так и называется: «ночные бдения ради Клиента». Да, и слово «клиент» мы всегда пишем исключительно с большой буквы — это одно из основных требований нашего внутреннего client-service.

Рассчитавшись с водителем и сунув в кошелек небрежно выписанный чек, по которому мне завтра компенсируют «ночное бдение», я проворачиваю ключ входной двери и тихонько открываю дверь. Стараюсь не шуметь — мой Антон давно уже видит двадцать восьмой сон, и я не хочу его разбудить.

Наспех приняв душ, решаю часок поспать, ведь все равно уже ничего не соображаю. Когда мощусь рядом с Антоном, он во сне недовольно бурчит: «Что за ч-ччерт, кто...» — переворачивается на другой бок и снова начинает тихонько посапывать.

Да уж, мой парень уже меня не узнает — ведь мне приходится возвращаться с «ночных бдений» домой под утро по несколько раз в неделю.

1 июня: День, когда я решила окунуться в «нормальную жизнь»

Не помня, как провела презентацию, что говорила и какие аргументы приводила, со звонкой головой, точно она дымоходная труба, решаю в обеденный перерыв встретиться с подружкой. Мне очень хочется с кем-то поговорить о том, как я устала, и просто отвлечься от работы в агентстве на «нормальную жизнь».

Мы встречаемся в сквере неподалеку от Золотых ворот. Это одно из наших любимых мест, ведь здесь есть и множество кафе, в которых можно пообедать, и множество лавочек под сенью зелени, если в кафе сидеть не хочется. И еще это место находится ровно посередине между нашими офисами: я тружусь на улице Лютеранской, расположенной по одну сторону Крещатика, а Кира — на Ярославовом Валу, что в старом городе по другую сторону Крещатика.

Я люблю Киру за многие качества, а особенно за то, что она никогда не унывает.

— ... я так больше не могу — Антон меня не узнает, и когда я ложусь рядом, во сне отталкивает меня и спрашивает: «Кто это», — откусив бутерброд, говорю я Кире.

— Ну так у-увольняйся. Работа с десяти утра и до шести утра следующих суток п-плохо сказывается и на парне, и на коже лица. Через пару лет ты постареешь так, что даже твоя родная бабушка перестанет тебя узнавать и будет принимать за р-ровесницу. А так посидишь дома, отоспишься, отъеешься, съездишь в отпуск, отдохнешь, а там — захочешь, найдешь новое агентство.

— Ну не знаю... Ответственность на мне большая. Клиенты... Проекты... У нас текучка, если я сейчас все брошу, подставлю агентство.

— Значит, объяви, что уходишь в декрет. Это уважительная причина для женщины, — советует подруга слегка рассеяно. Я вижу: сейчас ее мысли далеко. — Ну, или придумай что-нибудь.

Мы сидим на лавочке в сквере у ворот. Кира разворачивает пакет, который до этого стоял рядом с ней на лавке, и вытаскивает туфли.

— Посмотри, только что себе к-купила. Оцени.

Я себе уже сто лет ничего не покупала и из одежды (пользуюсь старыми запасами), и даже из еды для дома. Для меня загадка не только, сколько могут стоить такие туфли, но и почему сейчас литр молока, поскольку с тех пор, как я работаю в агентстве, в магазин ходит Антон. Но туфли подруги действительно красивые, и мне очень захотелось их примерить, тем более что размер ноги с Кирой у нас одинаковый.

— Можно? — спрашиваю я. И после того, как Кира кивает, сбрасываю свои туфли и напяливаю ее новые.

Но туфли упираются мне в косточку, нога застряет — увы, они мне малы. Я озабоченно смотрю на свои ноги, затем на туфли, потом снова на ноги и не пойму, в чем дело.

— По-моему, у меня выросли ноги... — говорю подруге, и от осознания этого у меня портится настроение.

— Ну, может, тебе подъем не подходит? — предполагает Кира, но я отрицательно мотаю головой.

Нет, я точно знаю, я чувствую: у меня действительно ноги стали больше. Мне еще мама говорила, что ближе к тридцати ноги начинают «растоптываться» и размер может увеличиваться. Да что там говорить, по своей нынешней обуви, купленной пару лет назад, я тоже это чувствую: у меня увеличились ноги. Но любопытно мне во всей этой истории вот что: почему именно ноги? Почему, например, не уши, нос?... Или — о! — грудь?!

— У меня в четверг презентация, — говорю я Кире, спохватившись. Возможно, моя неунывающая подруга подкинет идейку-другую, которую я смогу поиспользовать для своего Клиента, — изредка такое случается. Я называю это «незамысленный взгляд». — Будет представлена новая линейка обуви, которая дышит. Моя задача — донести вначале до СМИ, а через них до покупателя, что эти новые шкуры дышат так же правильно, как адепты гимнастики цигун. Есть идеи?

— Ну, не знаю... — тянет Кира, больше увлеченная своими только что купленными лодочками. Она подносит их близко к лицу, пристально рассматривает швы, заглядывает внутрь и принюхивается. — Люблю, как пахнет новая кожа, — говорит она, мечтательно прикрыв глаза.

Принюхаться — вот и идея! Действительно, это просто, понятно и убедительно. Я попрошу всех приглашенных журналистов прийти на презентацию со своими (или чужими), но обязательно старыми, с душком, растоптанными ботинками. А потом предложу всем понюхать новые шкуры марки N, пахнувшие свежей телячьей кожей и суперэкологичной специально запатентованной краской для обуви Z. И пусть сравнят: обувь N, которую производит мой Клиент, *так* пахнуть будет *всегда*. Потому что она — дышит.

Возвращаюсь в агентство и вновь принимаюсь за работу. До шести утра завтрашнего дня, пока меня вновь не сморит сон и усталость, у меня еще пятнадцать часов. Надо вкусно описать эту идею в презентации, а также придумать пару-тройку таких же сумасшедших идей. В моей работе это называется громким словом «креатив».

Вторник, 5 июня: Типичный день, когда голова идет кругом

Сегодня у нас в агентстве обычный рабочий день — активный, суетливый и долгий. Я назначаю мозговой шторм креативной команды, в результате которого мы должны найти решение по оптимальному продвижению бренда вина (моего другого Клиента), — с момента

последней кампании прошло уже четыре месяца, и Клиент созрел для очередной рекламы. Прошлая кампания меня саму повеселила, так как основное ее сообщение (придуманное мной) гласило: «Если загадать желание во время оргазма, оно непременно сбудется». Мы разместили ряд статей в газетах, журналах и на онлайн-порталах о том, что вино помогает расслабиться, обладает целым рядом полезных свойств для организма, настраивает на игриво-романтический лад, поэтому секс после одного бокала (но не больше!) красного вина особенно яркий. И оргазм — соответственно тоже. И если вы успеете загадать в момент «Ч» заветное желание, оно обязательно сбудется, потому что в этот миг происходит огромный всплеск энергии.

Согласна, это — бред, но прессу мы собрали хорошую, нас много перепечатавали, и Клиент остался доволен продажами товара. Теперь нам предстояло придумать не менее оторванную идею, чтобы поразить потребителя и наделать много информационного шума.

— Давайте закажем нарисовать продукт Клиента известному художнику — пусть это будет целый цикл картин с вином. Затем поместим их в известный музей, а потом громко взломаем и украдем одну из картин. Об этом точно напишут все СМИ и покажут в новостях по телевизору, — говорит Миша, который славится самыми сногшибательными (правда, в большинстве своем нереализованными) идеями.

— Ага, в том числе о нас расскажут все милицейские сводки, и такой пиар из серии «Срочно разыскиваются» — именно то, что поможет нам нарастить продажи продукта Клиента, — осаживаю я его, чувствуя, что это не то. Идея с криминальным душком мне не нравится, но все же она получает развитие — ее поддерживает Дарья, креативный директор агентства. Дарья считается акулой пиара, и ее слово в мозговых штурмах очень веско.

— А еще лучше, — говорит она, — подарить одну картину с вином Клиента и хорошо просматриваемой этикеткой с названием бренда канцлеру Германии прямо во время государственного визита к нему нашего Президента. Пусть это будет официальный подарок немецкому канцлеру со стороны Украины. Факт вручения подарка тоже попадет в объективы камер, надо лишь позаботиться, чтобы изображение картины смотрело точно в объективы. А потом эта картина должна быть помещена в один из музеев Берлина, а потом ее украдут. И это будет международный проект — информационный шум накроет две страны, что отлично ввиду планов Клиента по вхождению на европейский, в частности немецкий, рынок...

Я мысленно кручу пальцем у виска. Понимаю, это фантазии, так как реальное воплощение подобных идей практически неосуществимо. А если и да, то я не завидую исполнителю (то есть себе) — слишком много «если», слишком много рисков, слишком большой бюджет и слишком размытое информационное сообщение. Наши идеи должны быть оторванными, но не улетать в космос, иначе мы не сможем продать их Клиенту. А он не заплатит нам денег.

Что-то я сегодня не в духе — по-видимому, сказывается накопившая усталость ночей, которые я не доспала. Мои ребята — тоже. Даже гуру Дарья родила одну хромую идею и сникла. Пора сделать перерыв и отвлечься. Но поскольку сроки сдачи проекта нас поджимают, а качественных идей пока нет, совсем расслабиться и переключиться на другие проекты не получается. Решаем, что общая идея с культурой, искусством и вином не так уж плоха, вот только ее исполнение нужно хорошенько продумать. А я между тем схожу в Министерство культуры, пообщаюсь с чиновниками на предмет того, кто из деятелей искусства у нас сейчас самый перспективный для привлечения к рекламе вина, и самое главное — сможет ли наш проект, чего бы сумасшедшего мы ни накреативили, взять под патронат это самое Министерство культуры (для пущей важности).

* * *

Стою под Министерством культуры в ожидании крупного чиновника, с которым предварительно назначена встреча. Чиновник опаздывает, но предупреждает об этом по мобильному. Держу в руках ежедневник и бутылку вина — как наглядный пример

продукции Клиента.

Вдруг сверху летит мощный плевок, и его брызги попадают на меня. Вот это да! Культура так на меня еще никогда не плевала! Поднимаю голову и вижу на втором этаже холеного кота лет шестидесяти из украинских интеллигентов диссидентов-шестидесятников, седовласого и седоусого. В бешенстве ору ему буквально следующее:

— Ты чего плюешься, коз-з-зел?!..

Седоусый кот жестом показывает — мол, не он.

Стою дальше, жду — а что делать, встреча все равно запланирована, и она нужна в первую очередь мне. Через три минуты этот кот вырастает перед моими глазами у входа в Минкульт. Протягивает мне правую руку:

— Давайте знакомиться. Я — Петр Иванович. Простите, это не я. Это — с четвертого этажа.

(Как будто с четвертого этажа Министерства культуры плевать можно!)

— Вы тоже извините, что нагрубила вам... — Я смягчилась.

— Да ничего.

Потом этот кот замечает бутылку вина в моих руках и не в силах отвести от него глаз воркочет томным голосом:

— Девушка, давайте с вами выпьем вина...

В это время подъезжает чиновник, которого я жду, при виде него Петр Иванович исчезает в дебрях учреждения, а вслед и мы поднимаемся в начальственный кабинет. Все сорок минут, которые я провела в кабинете чиновника, я не могла не думать о комичном Петре Ивановиче и обо всей ситуации в целом. Мне приходилось озабоченно сдвигать брови и сосредоточенно смотреть в свой ежедневник, чтобы не рассмеяться. По завершении встречи я уже точно знала: вину нужно веселье и юмор, а не криминал.

* * *

Не спеша иду домой. Сегодня тот редкий случай, когда я освободилась пораньше — всего девять вечера. В душные июньские киевские вечера в это время еще даже не очень темно — сейчас как раз время красивого вечернего неба, которое прекрасно смотрится с Владимирского спуска. Позади остался Крещатик, отодвигается Европейская площадь, я подхожу к подножию Владимирской горки и начинаю спускаться вниз на Подол. Внизу широкий и спокойный летний Днепр. Далее — впечатляюще огромные массивы днепровских островов. Я родилась в Киеве и живу здесь уже тридцать первый год, однако эти изумрудные просторы никогда не оставляют меня равнодушной.

Самого зарева заката с Владимирского спуска не видно, он на противоположной стороне за холмами. Остатки ушедшего дня лишь немного освещают полосу берега у Днепра — эта прибрежная долина и есть киевский Подол. К слову, закат на Подоле всегда наступает раньше, чем в верхнем городе. Этот район Киева первым прощается с днем, сюда раньше приходит вечер — солнце катится за киевские холмы, первым золотя маковки церквей именно на Подоле. Вот и сейчас Подол уже почти в сумраке, и здесь все активнее зажигаются фонари, но их свет пока еще не может справиться с уходящим дневным — он лишь слегка расцветивает его пока еще нечастыми блестящими точками.

Я иду и думаю об Антоне. О нас. О своей работе и отсутствии свободного времени. Антон уже много раз говорил мне, что мой рабочий график его не устраивает, ведь мы с ним практически живем разными жизнями. Я люблю Антона и понимаю, что он прав, однако мне нужно продержаться на этой работе еще некоторое время. Я бы хотела, чтобы мое резюме украсила строчка об опыте работе в таком престижном агентстве, как мое. Лучше, конечно, чтобы этот опыт был значительным — пять и более лет, ведь весь рынок знает, что работать у нас очень сложно, и те, кто выдерживают здесь долго, на рынке очень ценятся и у работодателей нарасхват. Я работаю в агентстве без малого три года и пять или больше лет здесь точно не выдержу, поскольку, как сказала Кира, из-за нагрузок, недосыпания и

стрессов меня скоро перестанет узнавать собственная бабушка. Но еще годик я бы потерпела. А потом, как и мои ассистенты, ищущие, какой бы компании продаться и выпорхнуть из агентства, позволю сманить себя одному из наших Клиентов и запрошу у него баснословную зарплату — вот тогда и расслаблюсь, и мы, постоянно говорю я Антону, с ним заживем. Буду засыпать вместе с ним в обнимку, регулярно баловать вкусеньким, сопровождать на мероприятиях, мы заведем собаку, через некоторое время подумаем о детях, купим летний домик за городом, начнем путешествовать, и жизнь наша будет интересной и полноценной.

Антон работает фотографом, он довольно востребован, да что там, он считается настоящей звездой. Почти все его клиенты — это журналы, и глянцевого, и научно-познавательные, иногда у него даже случаются проекты за рубежом. И самое главное, съемки у него происходят не каждый день — времени свободного у моего парня в разы больше, чем у меня. Исключения составляют лишь зарубежные проекты, когда он уезжает на неделю или две, причем съемки нередко проходят в экзотических странах — два последних раза это были Кения и Антарктида. Интересно, что в Антарктиде была бесснежная ее часть — сухие долины на территории Земли Виктории, где снег не выпадал последние несколько миллионов лет. Антон очень любит и свою работу, и такие путешествия (еще бы!), но даже с учетом командировок у него достаточно свободного времени, чтобы позволить себе уже прямо сейчас нормальную семейную жизнь с собакой, загородным домиком и спокойными вечерами у костра. Но так же, как и я, он живет словно в оцепенении, в ожидании того, когда я разберусь наконец со своей карьерой, освобожу время для нас двоих и вообще «вернусь в семью», как он говорит.

Помню, пару месяцев назад, когда у меня на работе выдалось затишье, мы с Антоном провели пару замечательных вечеров вместе. Тогда мы мечтали о совместном кругосветном путешествии, во время которого Антон бы много снимал, а я — писала романы (об этом своем хобби мне пришлось забыть, и особенно после того, как я поступила на работу в агентство. Но, признаюсь, в свободные минуты руки просто чешутся, даже сейчас). Мы мечтали о тех временах, когда перестанем откладывать важные для нас вещи, служить интересам каких-то «клиентов», на которых, положив руку на сердце, нам глубоко наплевать, будем наконец вместе и начнем заниматься всем тем, о чем давно мечтаем. Да, скоро мы прекратим откладывать нашу жизнь на потом и начнем ее воплощать, решили мы тогда.

После этого Антон и стал время от времени напоминать мне о нашем решении. А я — все время оттягивать его исполнение.

Вот и сейчас, если я через полгода уволюсь из агентства и перейду на сторону Клиента, времени (и денег) у меня, скорее всего, станет немного побольше. Но ключевое слово здесь именно «немного». Так как, работая даже на стороне компании, я не смогу поехать в кругосветное путешествие (а путешествовать я люблю не меньше Антона), и у меня, откровенно говоря, не будет достаточно возможностей, чтобы ездить со своим парнем по Кениям и Антарктидам. Никакая компания не позволит мне иметь столько отпусков.

Поэтому фактически это половинчатое решение — через полгода уйти из агентства в компанию. Мне нужно думать о своей — нашей — жизни шире. В контексте того, что лично для меня, Ланы Косьмач, важнее: карьерная гонка, которая, по правде говоря, нужна, чтобы обеспечить свое настоящее и будущее, или просто жизнь. Такая, какая мне самой нравится. И вот здесь я упираюсь в неразрешимую задачу: чтобы жить так, как я хочу, необходимо себя обеспечить. А чтобы себя обеспечить, и нужно рабство в агентстве, высасывающее из меня все соки.

Хитро придумано.

Вариант не работать и повиснуть на шее у Антона я не рассматриваю — во-первых, это скучно, во-вторых, угрожает деградацией, в-третьих, бьет по собственной самооценке.

Суббота, 9 июня

— Я хочу серьезно с тобой поговорить, — говорит Антон. Его тон и взгляд не предвещают ничего хорошего.

Сегодня суббота. Я только что сползла с кровати и еще сонная плетусь в кухню. Шесть часов вечера, но раньше я встать не смогла — надо было выспаться на всю предстоящую неделю. Антон уже заварил мне кофе, бросил в чашку пару ложек сахара и энергично размешивает его в чашке, очевидно, ожидая, что я отвечу.

— Спасибо, — мямлю я, отхлебываю кофе и отвечаю: — Слушаю...

— Мне надоела твоя чертова работа. Помнишь, как мы с тобой собирались жить? О чем мечтали? И что же? Я по-прежнему не вижу тебя неделями, между нами стена, я отвыкаю от тебя из-за твоей работы.

— Да?...

Глупейшего ответа не придумашь. Будто я сама не знаю, что последний раз легла дома спать в одиннадцать вечера два с половиной года назад — до того, как устроилась работать в агентство. Будто не помню наши мечты о кругосветном путешествии. И как будто не знаю, что ведет все наше домашнее хозяйство один Антон — не только ходит за покупками, но и готовит, убирает в квартире, стирает и гладит (хотя насчет стирки я не согласна: забросить вещи в машину и нажать кнопку «пуск» — это *не* «стирать»).

— Очень прошу тебя пересмотреть свои приоритеты, ведь я так больше не могу. Мы с тобой уже много раз говорили о твоей работе, всякий раз ты обещаешь подумать, но никаких конкретных действий я пока не вижу... Прошу тебя снова и уже в последний раз: подумай, пожалуйста. Подумай о нас. О нас с тобой. Дороги ли мы — тебе? Дорог ли я тебе? Что я для тебя? Что для тебя наши мечты? И твоя работа?...

Я пообещала подумать.

— Ответа я жду не позже среды. Три рабочих дня на размышления, не считая этих выходных.

— Антош, но я же в среду еду в Одессу, там у меня защита проекта по продвижению бренда дышащей обуви — я тебе рассказывала... Идеи хорошо были приняты киевским офисом, но главный офис и производство находятся в Одессе, нам надо туда поехать к биг-боссам. В понедельник и вторник я соответственно буду занята подготовкой проекта, — испугавшись, что Антон перенесет мое судьбоносное решение на более ранние сроки, быстро добавила я. — Вернусь в пятницу утром. И обещаю тебе ответить...

— Котенок, ты всякий раз обещаешь ответить через неделю и всякий раз твое решение откладывается. Найди, пожалуйста, время и для нас с тобой. Между туфлями и мобильной связью втисни нас. А то я начинаю думать, что тебе наплевать... Я жду, — строгим голосом сказал Антон. Затем чмокнул меня в лоб и шутливо пригрозил пальцем: — В среду, слышишь? В среду жду твоего окончательного положительного ответа. Ты подыщешь менее напряженную работу.

Я вспыхнула. Антон хоть и прав, но решения о своей работе в контексте того, что мне нужно посмотреть на все шире, я все же хотела бы принимать без нажима.

* * *

В понедельник и вторник все закрутилось-завертелось: звонки всем Клиентам, звонки в Минкульт, совещания по поводу и без, рассылки релизов, мозговые штурмы, крики на подчиненных, подготовка документов для защиты дышащей марки N, снова крики на подчиненных, последние сборы и инструктаж тех ассистентов из моей команды, которые остаются в Киеве и продолжают работать на мобильную связь, холодильники, вино и банк (и тут без криков не обходится), — нельзя ничего забыть или что-то упустить. Ведь если что, меня начнут дергать уже в Одессе, звонить в самые неподходящие моменты и отвлекать. Да и потом, я никому не хочу говорить, что намереваюсь пробыть в этом южном теплом веселом городе не один день, а два. В последний день — сама, без сотрудников. Буду весь день валяться на берегу моря и принимать решение, которого от меня так ждет Антон. Эта

передышка мне очень нужна еще и потому, что если я наперекор Антону решу задержаться в агентстве еще на некоторое время, капля моря мне не повредит — в агентстве отпуск в этом году мне не светит. Руководство не любит отпускать в отпуск.

Черт возьми! Я сижу, прикрыв глаза, уже мыслями в море, а отель еще не забронирован. И билет на ночной поезд Одесса — Киев тоже не куплен. В Одессу нас всех повезет вместительный вэн нашего агентства, а вот назад, в Киев, я буду добираться сама. Если, конечно, повезет с билетами.

Полдевятого вечера, но я еще должна успеть — портье в отелях работают круглосуточно. Гуглю Интернет, выбираю отель, набираю номер, идут гудки. Жду.

На том конце провода снимают трубку:

— Отель ХХХ. Добрый вечер. Чем могу помочь?

— Добрый вечер. Я хотела бы забронировать два двухместных номера. Нас будет четверо — две девушки и два парня. Приезжаем в среду в двенадцать часов дня. Один номер нужен на сутки, другой — на две ночи.

— Пришлите нам, пожалуйста, заявку на бронирование — форма заявки есть на нашем сайте.

— Да-да, сейчас пришло. Это предварительный звонок, просто уточнить, если у вас места.

— Да, места есть.

— Отлично, девушка, спасибо, сейчас пришло. И вот еще что: можно ли получить номера с видом на море? На последнем этаже?

— На последнем мест нет, могу предложить на предпоследнем, шестом.

— Ладно, спасибо. А в номерах кондиционеры есть?

— Да, безусловно. У нас все номера кондиционированы.

— А банные принадлежности, ну там мыло, шампунь — есть?

— Да, конечно. Это у нас есть всегда. Мы — пятизвездочный отель.

— Ой, не спросила, а сколько стоит номер в сутки?

— Восемьсот.

На том конце провода вежливый женский голос так и сказал «восемьсот» и умолк. Я не поняла, сколько и чего, и решила уточнить:

— Э-э... восемьсот чего?... Гривен? Долларов? Евро?

Все тот же милый голос мне невозмутимо ответил:

— А вам какая разница?

Я подумала, что сейчас не в настроении слушать одесские шутки пятизвездочных портье, что глечу, поблагодарила и положила трубку. Набросала заявку и отправила электронной почтой. Завтра разберемся.

13-14 июня: Дни, когда я думаю

Я обожаю Одессу. Считаю ее самым колоритным и одним из самых элегантных городов Украины. Когда я выхожу из вагона на перрон одесского вокзала, у меня, как у собаки Павлова, всегда срабатывает рефлекс — нет, не течет слюна, а вспоминается один и тот же анекдот: к платформе в Одессе подходит пассажирский поезд. В тамбуре у открытой двери стоит тетя Роза и кричит: «Носильщик! Имейте меня первой!».

Сегодня мы выезжаем в Одессу не на поезде, а на автомобиле, но настроение все равно соответствующее — я хочу поскорее встретиться с любимым городом. Но пока мне нужно изображать лидера группы крутых пиарщиков, которые приехали за деньгами одесских обувных боссов.

— Я бы хотел, чтобы пиар-проект для нашего бренда N стал без ложной скромности самым лучшим — громким и заметным — проектом на украинском рынке. И в этом, я надеюсь, нам поможет ваше агентство, — приветствует нас одесский Биг-босс.

— Безусловно, спасибо за доверие, — бодро отвечаю ему я, включая проектор и

начинаю презентацию.

Такая постановка вопроса — самый лучший пиар-проект — меня не удивляет: Одесса любит все самое-самое. Здесь принято хвастаться самыми лучшими вялеными бычками, тюлькой или мидиями, здесь у каждой матери — самый лучший и умный сын в мире и самое золотое золото на пальцах и шее, здесь модницы одеваются с Седьмого километра так, точно только что сошли с рекламных картинок Vogue, да и сам Седьмой километр — самый большой и многолюдный рынок если не в мире, то в Европе уж точно; здесь первыми открываются бутики, еще не дошедшие до столицы, здесь самая лучшая в Украине кухня — даже в Киеве успех заведению обеспечен, если его открывает одесский ресторатор.

Поэтому все «самое-самое» — это точно об Одессе, и нам подвести одесситов нельзя. И еще, во время речи одесского обувного Биг-босса мне показалось, что с его губ чуть не слетело слово «пиар-гешефт», а не «пиар-проект». И что-то вроде «самый лучший гешефт, чтобы Изя обзавидовался».

Когда презентация закончилась, нас повезли на производство показать «самые лучшие в мире линии для производства обуви» и «самые тонкие телячьи кожи».

— Путешествие на Малую Арнаутскую, — пошутил Миша, намекая на предприимчивое прошлое этого порто-франко. Но производственный комплекс оказался новым, большим и современным.

А вечером всю нашу команду заказчики пригласили в один из прекраснейших одесских ресторанов на углу Дерибасовской и Ришельевской. И это еще одна чисто одесская особенность — во всем мире именно исполнители выкаблучиваются перед Клиентами, давая обещания, явные и завуалированные, потратить их деньги максимально впечатляющим способом. Фуршеты и развлекательные программы в честь Клиента — часть ритуала по присвоению денег заказчика. И единственным городом в мире, в котором это правило не работает, оказалась Одесса. Мы не стали отнекиваться и спорить с Биг-боссом из Южной Пальмиры о том, что нам пока еще неудобно кушать за их счет. Не стали, ведь, как известно, этот город на два шага впереди всего остального мира, и не смогли устоять перед прищуренным глазом Босса, который сказал: «Вы бережете фигуру? Ой, я вас умоляю, чтобы ее сберечь, надо кушать, кушать и кушать!».

* * *

Как на мой взгляд киевлянки, летом в Одессе необходимо официально вводить сиесту — из-за жары и близости моря. Нет, не с часу дня до четырех, как во всех остальных южных странах, а с тридцать первого мая до первого сентября. Работа здесь в это время здорово портит нервы. Хотя эту мысль сами одесситы не поддерживают: я неоднократно видела, как в ответ они пожимают плечами и говорят: «Что здесь такого? Море как море... Я купался (купалась) в этом году всего два раза». — «?!» — «Ну вы же не плещетесь с утра до вечера в Днепре только потому, что он у вас есть?». — «...» — «Вот и для нас море — как Днепр в Киеве».

Здесь они точно лукавят. В Киеве нет конкуренции среди отдыхающих за место у воды на многочисленных днепровских островах. И у нас нет того особого вида тетушек, которые сдают квартиры, дома, койко-места, а также сарайчики и будки поближе к воде: необъятных размеров, горластых, всё и про всех знающих, вечно дымящих сигареткой, отчего их голоса всегда звучат мелодичным женским басом. Чтобы не потерять заработок, они мертвой хваткой вцепляются в каждого курортника, предлагая ему разные варианты «домика у моря» и проявляя необыкновенную смекалку, пока тот не согласится. Только в Одессе на вопрос, можно ли снять что-нибудь совсем близко к морю и недорого, тетушка-риелтор ответит не моргнув глазом: «Есть вариант. Я вам на буйке постелю».

Сегодня я осталась здесь одна, все мои сотрудники уехали, и наконец можно предаться ничегонеделанию, подумать «за жизнь», о нас с Антоном, о себе и о том, чего же я все-таки хочу. Думать начну, когда устроюсь на пляже, — трамвай уже привез меня на двенадцатую

станцию Большого Фонтана, и я бреду по песку, обходя, а то и переступая через тучи голых шоколадных тел.

Пристраиваюсь на узкой полоске берега прямо у воды, где песок немного влажный из-за изредка докатывающихся сюда волн. И это прекрасно — мои ноги будет нежить морская вода (а возможно, не только ноги). Оглядываюсь по сторонам — мои зрение, слух, обоняние, буквально все чувства обострены до максимума. Здесь и сейчас я впитываю все: морской бриз, крики чаек вперемежку с обрывками разговоров многочисленных пляжников, обрывки популярных песен, доносящихся из динамиков радио в прибрежном кафе, перезвон стаканов за барной стойкой, когда в них помешивают мохито, сумасшедшую помесь запахов гниющих на берегу водорослей и медуз, мускусных тел, смешного одесского говора и невероятного обаяния, радости, общей расслабленности и отдыха. Все вместе это и многое другое, что я не в силах распознать сразу, и есть знаменитый одесский колорит.

Я решаю искупаться — доплыть до буйка, того самого, который при некотором стечении обстоятельств в Одессе вполне может стать чьей-то временной частной курортной собственностью. Вхожу аккуратно, стараясь не попасть под перекрестный обстрел брызгами довольно визжащей парочки, которая плещется неподалеку, — я мерзлячка. Плещется парочка под невинной табличкой, привязанной к металлическому тросу: «Уважаемые граждане отдыхающие! Помните: не все то, что плавает в море, — наши трудящиеся».

К слову, это только кажется, что существуют особые — одесские — анекдоты. На самом деле одесситы вообще никогда не шутят. Они так разговаривают. И в этом я убеждаюсь постоянно.

Я ныряю и гребу в сторону буйка. И пусть сейчас в глазах тетушек-риелторш я не совсем «плавающая в море отдыхающая», в этот миг я абсолютно счастлива. Вернусь на берег и обязательно позвоню Антону — мы не разговаривали с ним уже два дня, а именно сейчас обычный груз работы из моей головы активно выветривается. Антон будет рад услышать меня живую, а не заведенный механизм по производству пиар-проектов.

Ах, как бы я хотела, чтобы Антон сейчас был рядом. Этот день стал бы незабываемым — мы прожили бы его так, как давно хотели. Гуляли бы, взявшись за руки, по Приморскому бульвару, возле оперного театра (самого прекрасного в Украине — конечно же!), вдоль Екатерининской, Пушкинской и всех революционеров — Розы Люксембург, Клары Цеткин, двух Карлов — Маркса и Либкнехта... (Интересно, есть ли хоть в каком-нибудь городе современной Германии на улицах такая концентрация этих имен?). У Антона превосходное чувство юмора, так что с ним здесь было бы весело в квадрате. Мы бродили бы по берегу моря, кормили наглых чаек свежим батоном, много фотографировались и целовались или делали бы все это одновременно... Антон любит повторять, что самая его любимая фотомодель — это я, так что пару-тройку шедевров здесь он точно заснял бы. И я наконец позволила бы ему уговорить меня продолжить писать. Идея романа уже давно сложилась в моей голове, порой я говорю готовыми фразами из своей книги, и тогда Антон бурчит, что пора открывать ноутбук и записывать. «Мне нравится, как ты пишешь, — частенько повторяет он, — ты должна писать. Сколько можно откладывать!»

Но пока я все-таки не решилась. Не могу. Пока начну зарабатывать своей писаниной, может пройти уйма времени. Да и не факт, что я действительно в этом сильна — то, что Антону нравятся мои опусы, еще ни о чем не говорит. Сейчас множество блоггеров широко упражняются в остроумии, а мне переплюнуть некоторых из них — задача непосильная. Я не могу так искрометно, легко и органично шутить и каламбурить, как они, или делать неожиданные и глубокие выводы, которые способны зацепить читателя. Но даже если меня и напечатает какое-нибудь захудалое издательство (к слову, где в Украине такие? Состояние нашего книжного рынка уже третий десяток лет плачевное), на авторские гонорары, которые позволят жить так, как мы с Антоном хотим, включая регулярные путешествия, рассчитывать не приходится. Книгу можно, конечно, издать и самой, но для этого нужны деньги. И поэтому в том числе мне нужно работать. Но когда я работаю, я не могу писать. И здесь снова хитрый замкнутый круг.

В конце концов, может быть, я претендую на что-то невозможное — жить так, как хочется. От своих мечтаний, призваний и талантов отказывается практически девяносто процентов жителей Земли: становятся не актерами, а юристами, не космонавтами, а бухгалтерами, не геологами или океанологами, а менеджерами по продажам всякой дряни. И ничего, живут же как-то. Пересматривают свои цели — стать, скажем, не изобретателем, а генеральным директором компании в какой-то крупной ФПГ или (еще лучше) директором представительства транснациональной компании. Они корректируют свои цели, чтобы в голове не было разочарования, а потом и хаоса, по-умному называемого «кризисом». Они отказываются от мечты жить так, как хотят, потому что это не в тренде. Потому что непросто. Потому что путь неизвестен, как неизвестно и то, каких жертв он потребует, в первую очередь в виде необходимости прозябать на скудные финансы в течение неопределенного времени. И потому что страшно. Очень страшно.

А вот желание стать топом высшего звена, напротив — в тренде. И есть масса примеров успешных реализованных кейсов от тех, кто уже взобрался на вершину и сейчас ходит в дорогом костюме, ездит в дорогом авто и живет в шестистах «квадратах» загородом. Ступени вверх ясны и понятны, а стремление вверх одобряемо всеми (бесит меня это странное слово «все»! Кто они? И кто сказал, что они правы?).

«Идее жить так, как *самому* хочется, не откладывая *свою* жизнь, *свои* желания в долгий ящик, необходима масштабная пиар-кампания», — однажды сказал Антон и посмотрел на меня многозначительным взглядом. — Не находишь?»

Наверное.

Но мне тоже страшно. И круто менять свою жизнь — боязно. Я все же пока отложу этот проект «моя жизнь» и продолжу делать то, что у меня неплохо получается и приносит деньги — откладывать все на потом и выдумывать разные нелепые промокампании. Ну и что, что лично мне они совершенно неинтересны. Так живет девяносто процентов людей, и от этого еще никто не умер.

Телефон Антона не отвечал. В первый раз на пятнадцатом гудке я сама отключила трубку, а сейчас металлический женский голос попросил меня перезвонить позднее. Абоненту сейчас не до меня.

После Антона я набрала Киру. Подруга тоже не стала со мной говорить — сбросила звонок. Похоже, все заняты, ведь сегодня четверг, рабочий день. Хоть это разгар лета, четырнадцатое июня, но все работают. Все, кроме меня.

Чтобы не чувствовать себя неуютно от осознания собственного безделья, я стала вертеть головой по сторонам, чтобы переключить внимание на происходящее вокруг. Могу утешиться тем, что у меня есть Одесса и целый день свободного времени.

* * *

Одесский вечер. Я сижу в ресторане и в ожидании стейка потягиваю вино. Внизу жужжит Горсад, чуть дальше стоит легендарный двенадцатый стул и сидит бронзовый Утесов, который позирует объективам многочисленных туристов, еще дальше слышится музыка — это поет фонтан. Вверху отдыхают небо и Млечный путь — от ярких фонарей на городской площади они кажутся молочно-розовыми. С моря подул прохладный ветер, и я поежилась.

— Предложить вам плед или вам будет удобнее обнять гостя за соседним столиком? — спрашивает официант, который невесть откуда вдруг вырос возле меня. И как он только умудрился заметить?

Вот и еще одно замечательное качество Одессы — она очень наблюдательна и разговорчива. Здесь всё про всех знают и со всеми разговаривают, даже с незнакомцами, так, как будто сто лет знакомы. Здесь невозможно ощущать себя одиноким или покинутым. Одесса идеально излечивает людей, страдающих социофобиями, — замкнутость и необщительность в этом городе испаряются на — дцатой минуте.

Я улыбаюсь официанту и отрицательно качаю головой.

— Ладно. Если что, я рядом. Ваш стейк скоро будет готов.

— Спасибо.

Как ни стараюсь, мои мысли все время возвращаются к Антону и той жизни, которую мы хотим прожить. Которую я хочу прожить. Почему я об этом все время думаю? И почему все, что думаю, очень хочется записать? Настолько сильно, что я уже шарю рукой в своей бездонной сумке с вечным бардаком внутри в поисках ручки и блокнота. И мои мысли, как это иногда бывает, сейчас выстраиваются стройными рядами — только успевай записывать.

Вообще-то, Антон не первый, кто говорит мне, что я хорошо пишу. Еще в школьных тетрадях возле очередного сочинения преподавателя, бывало, рядом с отметкой писали мне «Молодец» или «Умница». А однажды учительница украинского языка на полях сообщила: «Мені сподобалося!». Когда мне было десять, я послала одно из своих сочинений в детскую, еще советскую, газету «Пионерская правда» на какой-то конкурс. И хотя в ответ получила письмо, дескать, ваш рассказ не прошел во второй тур, попробуйте еще и желаем удачи, я радовалась, что редакция мне ответила, — наверное, посчитала достойной ответа, сочла тогда я. Впоследствии я продолжала писать рассказы в свой блокнот и в четырнадцать даже решила прочесть одно из своих сочинений маме. Но то ли мой опус вышел на троечку, то ли мама была занята и не в настроении (она тогда, помню, гладила огромную кучу белья), но она сказала довольно странным голосом: «Ты так странно пишешь, как будто тебе не четырнадцать, а восемьдесят четыре». После этих слов я вдруг страшно застеснялась своей писанины. А потом решила больше не умничать и писать так, чтобы всем было понятно, что мне все-таки четырнадцать. Но очень скоро просто перестала писать. А потом все это и вовсе куда-то пропало — ушло, исчезло, растворилось. Я уже не могла выражаться так, как сама того хотела, да и перестала понимать, хочу ли я в самом деле что-то сказать. Как выразился Антон, я «писуально онемела».

Но писуальное онемение всегда отступало в моменты душевных метаний — когда я влюблялась, например. Помню, мне уже около двадцати и я влюблена. Мы провели прекрасный вечер вместе, и моя душа трепетала. Я пришла домой и впервые после многолетнего перерыва снова открыла свой блокнот, а ручка сама стала бегать по бумаге — я только успевала записывать впечатления от тогдашнего вечера. А потом этот текст набрала на компьютере и послала своему парню. Ярослав (так его звали) уже через пятнадцать минут ответил: «Это гениально!», и еще через пару минут его взволнованный голос в телефонной трубке просил меня, чтобы я написала что-то еще. Были и другие парни, которые волновали меня, для которых я писала и которые стали моими первыми читателями. «Пиши еще, пожалуйста», «мне нравится тебя читать», «посвяти что-то нам» и «я обожаю, как ты пишешь», говорили они. Их было несколько, но реакции всегда были похожими. Постепенно я вновь стала верить, что не все мне льстят и, возможно, мои тексты действительно можно читать. В моменты расставаний с этими парнями мне тоже нестерпимо хотелось писать.

А потом появился Антон, и отдельные просьбы что-то написать превратились в настоящее требование не зарывать свой талант в могилу. Антон мне внушал, что я могу, и при нем я начала писать своей первый (до сих пор неоконченный) роман. В этом требовании крепла и моя уверенность, что стать писателем — для меня реально.

Собственно, своей мощной уверенностью в самом себе, своей профессией, свободой, своим легким отношением к действительности, всей своей жизнью Антон показывал мне, что жить так, как хочется, — не просто реальность, а единственно правильный путь. Спорить с ним было бесполезно — все мои аргументы и опаски разбивались о его «я могу, значит и ты сможешь». «Я могу, ты можешь, все могут, — часто повторял он. — Могут, но не хотят, не верят в себя или боятся».

Или им это просто не нужно, парирую я мысленно. Не все такие умные, как мы с тобой. Как ты, Антоша. Если рассуждать здраво, то далеко не все хотят быть Юрием Гагариным или Жаком-Ивом Кусто. Очень, очень много и тех, кого устраивает их положение. Стабильность, распорядок дня (подъем, на работу, домой, ужин, пиво у телевизора, сон) и

предсказуемость жизни (садик, школа, институт, женитьба, дети — и потом все по кругу: садик детей, их школа, их институт, их женитьба и их дети...) — это вовсе не так уж и плохо, как мы можем с тобой думать, Антош. Не гнаться за журавлем в небе и не хватать звезд — это тоже выбор. Если бы все хотели стать океанологами или исследователями космоса, это привело бы к плачевным последствиям, начиная с того, что банально увеличило бы конкуренцию в этих профессиях и нарушило бы существующий баланс. Поэтому девяносто процентов людей и отказываются от своих мечтаний — в пользу более приземленных, реальных и повседневных целей. «Ты обманываешь в первую очередь сама себя, — сказал как-то Антон, когда я высказала ему похожие рассуждения. — Путаешь повседневные цели с собственной реализацией. В конечном счете, самореализация в той сфере, в которой у тебя есть способности, — это исполнение своего предназначения в жизни...»

Да, Антош, тебе легко говорить, умный ты у меня. Умный и храбрый. Не то что я.

Мой поток мыслей нарушает аромат мяса — официант уже расставляет приборы, устанавливает сковороду прямо перед моим носом и подливает вино.

— Вы грустите.

— Да нет, что вы. В вашем городе невозможно грустить. Думаю.

— Откуда вы?

— Киев.

— Добро пожаловать. Мы любим киевлян.

— Спасибо. Мы вас тоже.

— Хотите, когда съедите этого барашка, подумаем вместе?

Я удивляюсь: какого еще барашка? Я заказывала говядину.

— Просто мы думаем, что нежный барашек будет более созвучен вашему настроению.

По-видимому, мое лицо выражает крайнюю степень изумления, поскольку официант добавляет:

— Это наше фирменное блюдо. И оно не в пример лучше говядины.

Что тут скажешь? Одесса!

— Вот скажи, тебе нравится твоя работа? — спрашиваю я официанта после того, как стейк съеден, третий бокал вина выпит, а гости заведения почти разошлись. Стас (так зовут официанта) долго говорить не может, так как работы у него все еще много, но выкраивает минутки, чтобы поддержать со мной разговор.

— В общем, да.

— Ты хотел бы всю жизнь вот так проработать?

— А почему ты спрашиваешь? — у одесситов привычка отвечать вопросом на вопрос.

— Просто именно об этом я и думаю. О том, что большинство людей отказываются от исполнения своих мечтаний — не становятся теми, кем хотели бы. Ну, знаешь, типа пожарниками, балеринами, исследователями, поэтами — мало ли, у кого какое призвание. Или вообще не знают, кем хотят быть. Работают, но работу свою ненавидят.

— Знаешь, в я детстве хотел быть водителем мусорного грузовика, но сейчас это желание мне кажется бредом. Повзрослел, наверное? — улыбается Стас. — А ресторанное дело я люблю. Не тарелки подносить, конечно, нет. Тарелки — это первая ступень. Мне нравится общаться с людьми, нравится, когда им нравится. А вообще, хочу иметь свой ресторан.

Стас делает лицо, мол, прости, давай позже, и уносится на кухню с очередным подносом невымытой посуды. Кроме собственного ресторана, этой распространенной (и социально одобряемой) топ-цели своей карьеры, я услышала от него и другое: подтверждение своим недавним мыслям о том, что не всем нужно высокое и недостижимое. Что могут нравиться и простые быденные вещи — общаться с людьми, например, и доставлять им удовольствие. И между делом Стас мне подкинул еще одну мысль: если знать, что именно тебе нравится, и свою карьеру строить вокруг этого, обычная рутинная работа станет нравиться гораздо больше. Далеко не новая и не оригинальная мысль. Но эта банальность ввиду последних размышлений меня вдруг проняла: к примеру, я в своем

агентстве могу попробовать себя в роли копирайтера, то есть *писателя* текстов, а не организатора проектов и групп-лидера. И если Антону это снова покажется откладыванием нашей цели, то для меня это может стать возможностью больше писать.

— У нас говорят: не делай себе беременной головы, — вновь вырос у моего столика Стас.

— Не буду, — из-за принятого решения меня немного отпустило, и я даже пытаюсь улыбнуться.

— Может, еще бокал вина?

— Почему бы и нет?

— Ну, нет так нет! — шутит Стас чисто по-одесски и приносит еще один бокал.

Мне уже пора. Сегодня у меня был насыщенный впечатлениями и размышлениями день, выпитое вино отнимает остатки бодрости, а впереди еще ночной поезд на Киев. Времени ровно столько, чтобы забрать из гостиницы вещи и доехать до вокзала.

— Ты не знаешь, как мне добраться отсюда до гостиницы ХХХ?

— Это я не знаю? Это ты, похоже, не знаешь! — Стас продолжает шутить.

— Ну так случайно не подскажешь?

— Почему не подскажу? Мы же не ссорились.

Он изводит меня до тех пор, пока я не начинаю хохотать.

— Таки да, ты смеешься, — говорит на прощание Стас. — Я не мог тебя отпустить грустной.

Одесса!..

* * *

Вещей у меня мало, так что из отеля выселяюсь быстро, и в запасе у меня остается час до отхода поезда. Уезжать из центра Одессы не хочется. Поэтому вновь брожу по Приморскому, по улочкам возле Литературного музея, кружу возле красавца Оперного театра, памятника Ришелье; вглядываюсь в Морвокзал и, конечно, в море. На море я смотрела бы, наверное, вечно, для чего и присаживаюсь на теплые ступеньки знаменитой Потемкинской лестницы и смотрю, смотрю, смотрю...

Возможно, когда-нибудь мы с Антоном переселимся в Одессу. Во всяком случае, мне бы этого хотелось. Антон несколько раз говорил, что ему все равно, где работать, лишь бы под рукой был айфон, ноутбук и фототехника. Для писателя место жительства тоже неважно, наоборот, новые места и опыт вдохновляют, так что мне это даже пойдет на пользу.

Когда-нибудь.

Впрочем, Антон всегда ворчит на меня за это неопределенное «когда-нибудь». Обычно, говорит он, это оказывается «никогда». Для того чтобы мечты стали похожими на план, необходимы сроки. К примеру, к июню 2014 года мы приобретем дом в районе Аркадии, а к августу вселимся в новое жилье. Тогда это похоже на план, над которым надо работать. Но эти мечты не станут планами, пока я, Лана, оттягиваю момент их принятия, — частенько в конце наступает на мою больную мозоль Антон.

Пожалуй, он на меня давит. Хотя и из самых лучших побуждений.

Задумавшись, я не заметила, как пробежало время. Мои медитативные размышления прерывает смех таксистов, сгрудившихся возле Дюка. Смотрю на часы: поезд отходит через — о, господи! — семь минут! У меня ровно минута, чтобы найти машину, и две — чтобы добраться до вокзала. И семь гривен в кармане, потому что последние пару сотен я оставила Стасу за ужин.

Словно ужаленная, подскакиваю к таксистам.

— Ребята, подбросьте на вокзал, ну очень надо!..

Смех стихает, седовласые веселые «ребята» с жидкими усами и пивными брюшками вопросительно смотрят на меня, потом перемигиваются между собой. От группы отделяется

один — безусый, в шортах и кожаной куртке (в летний-то вечер) — и взглядом показывает мне, дескать, пошли, моя очередь везти. Он быстро приближается к многометровому лимузину «Линкольн Таункар» цвета молочного поросенка — поросычья розовость заметна даже под покровом южной ночи. Безусый в шортах и кожанке распахивает передо мной дверь и изрекает:

— Прошу!

Все это выглядит настолько киношно, что у меня возникает желание зажмуриться и ущипнуть себя — возможно, я под Дюком уснула? Но безусый снова приглашает меня жестом, и я упираюсь коленом в теплый металл авто.

Так. Раз не сплю, мне надо расставить точки над «и», пока мы еще не уехали.

— Сколько? — спрашиваю я, как дурочка, ведь больше семи гривен, смятых в левом кармане, у меня все равно нет.

— Пятьдесят.

— ...

— Небольшой торг уместен.

— Пять...

— Или?!

— Послушайте, я очень тороплюсь на поезд, он отходит через шесть минут. У меня есть семь гривен, и это все, что осталось!.. Подвезите меня... Пожалуйста!.. Если я на него не успею, то и ночевать здесь мне не за что... Пожалуйста.

— Вы мне начинаете нравиться, — отмахнулся безусый, что на одесском языке означает полностью противоположное.

— Пожалуйста!.. — снова в отчаянии вскрикиваю я — осталось пять минут, и проводник наверняка уже попросил провожающих покинуть вагоны.

Безусый оглядывается, затем порывистым движением снимает свою кожанку, бросает в огромный салон машины, нервно чешет затылок, плюет себе под ноги и кричит в ответ:

— Шо ты себе думаешь? Садись уже!.. Быстро! Едем.

И вот я отъезжаю от бульвара в огромном розовом лимузине рядом со своим спасителем, внешний вид которого так сильно контрастирует с авто, а безусый еще умудряется меня подбадривать:

— Ничего, сейчас вырулим на Ришельевскую, там по прямой две минуты. Успеем!..

Но «вырулить на Ришельевскую» оказывается не такой простой задачей — габариты машины и толпа гуляющих очень затрудняют наше движение.

— А если мы поедем по Пушкинской, вроде там же тоже будет вокзал?

— Он там будет, даже если мы тудой не поедем, — отрезает безусый.

А я вновь умилилась: ну что за город — тут все разговаривают анекдотами!

Когда мы подъезжаем к вокзалу, я выскакиваю из необъятного авто, махнув на прощание рукой безусому. Я готова его расцеловать, а он снова энергично плюет за окно и говорит:

— Иди уже. Оставь эти копейки себе. И учти, за тобой должок.

Бегу к перрону, поезд прямо сейчас должен отходить, надо успеть!.. Но тут замечаю, что на перроне стоит толпа людей, рядом с каждым — сумки, и почему-то никто никуда не торопится. Все стоят, лица обращены к поезду. Поезд темный, свет ни в одном вагоне не горит, стекла его темных окон бликует от фонарей. Все двери закрыты. Ни одного проводника на перроне не видно. Никакого движения нет вообще. Только темный поезд и люди с сумками на платформе.

Я спрашиваю у ближайшей группы, не это ли поезд Одесса — Киев. Да, это он. А что случилось, по расписанию он должен уже отходить? Оказывается, никто не знает. На посадку поезд приехал, как положено, за полчаса. Но так и стоит с тех пор — тихий и темный.

То тут то там люди уже смотрят на часы и недоуменно переглядываются. Активнее те, которые стоят в голове поезда. Они стучат по металлу паровоза и что-то кричат, по-

видимому, обращаясь к машинисту. Но в кабине машиниста хоть и светит тусклый свет, единственный на весь состав, оттуда никто не отзывается. Возле первого вагона образовывается группа желающих — они направляются к администрации вокзала, разузнать, что происходит и когда поезд отправится.

Проходит около двадцати минут. Нам в динамик объявляют, что этот поезд по техническим причинам ехать не может, и обещают посадку на другой поезд — в течение трех часов. Еще через десять минут из администрации на перрон возвращается группа — кое-кто смеется, кое-кто чертыхается, кое-кто курит и очень оживленно разговаривает.

Мы с нетерпением ждем их.

— Что случилось?

Смеющийся мужской бас объясняет, специально выделяя некоторые слова голосом:

— Пьяный (!) машинист в этом паровозе случайно (!) зацепил не тот состав. Похоже, дотянул до вокзала и уснул (!) внутри кабины. Поезд не убран и не подготовлен к следованию. Сейчас его оттянут в депо и не позднее трех часов ночи пришлют новый.

Пока он этот говорит, к нам все время подходят люди, стоявшие поодаль. Постепенно смех и чертыханье стали разрастаться. Каждый третий, улыбаясь и матерясь одновременно, закуривает и отходит. Торопиться некуда.

15 июня: День, когда я ничего не поняла

Открываю двери киевской квартиры и зажмуриваюсь — у меня есть решение, которое я очень хочу озвучить Антону: еще полгода в агентстве, но в должности писателя текстов, а не лидера группы. «Писатель» должен смягчить приговор Антона. И сегодня на работу я не пойду, позвоню, что случилась непредвиденная задержка поезда, — и у нас будет выходной вдвоем!

Войдя в прихожую, замечаю, что прямо под ногами не стоят пять пар огромных кроссовок и не валяются в беспорядке носки и кепки. В углу нет футбольного мяча и боксерской груши. Шкафы не заперты, полки пустые.

— Антон! Что случилось? Ты где?

Заглядываю в спальню: вижу, исчезли фотографии Антона, книги, диски, ноутбук со столика. В ванной нет гелей, шампуней, зубной щетки, дезодорантов — его полка девственно пуста.

Никакой записки в доме не обнаруживаю. Набираю номер, но после первого гудка идет обрыв связи. Опускаюсь прямо на пол и набираю эсэмэску. Через пару часов приходит ответ, что доставить ее абоненту невозможно.

Понедельник, 18 июня

В выходные дни обзваниваю всех друзей, мне отвечают неохотно, как попрошайке у Флоровского монастыря, и быстро завершают разговор. Мама Антона тоже отвечают предельно любезно: «Ты же знаешь, Ланочка, он — такой. Если что задумал, никогда не советуется и никого не посвящает. Поговори с ним сама».

Кира удивляется моему вопросу, не знает ли она, где Антон, — ясное дело, она не знает. И спрашивает:

— Ч-чем я могу тебе п-помочь? Хочешь, ч-чаю с тобой попить? Или в-водки? — когда она взволнована, заикается больше обычного.

Пока я была в Одессе, Антон вывез все вещи из нашей квартиры. И теперь игнорирует меня уже четвертый день. Я сижу в офисе, но голова моя опухает от мыслей.

Антон бросил меня.

Я не ответила ему до среды, как он хотел, уехала в Одессу. И он бросил меня.

Я злюсь, негодую, обижаюсь и тоскую одновременно, и громко хлюпаю носом, когда невидящими глазами смотрю в монитор. Одесский пляж, ресторан и анекдоты кажутся мне

теперь настолько далекими и нереальными, как будто случились в ледниковый период. Я расклеиваюсь и ничего не могу с этим поделать — ни строгие уговоры самой себя сосредоточиться на Минкульте, ни старт проекта для одесских обувщиков, ни планы поговорить с руководством о понижении в должности, чтобы стать копирайтером, — ничего не помогает. Только раз за разом бегаю в кухню и хлещу попеременно то чай, то кофе. Ненавижу себя такой, ненавижу Антона за то, что он бросил меня, ненавижу агентство за то, что я здесь в рабстве, ненавижу все...

Да, без «чая с водкой» и Киры, пожалуй, не обойтись. По-видимому, мои постоянные всхлипывания, Ниагара в носу и глухой жалкий голос подругу обеспокоили, так как она по телефону назначает мне обеденный перерыв в одном из кафе в Пассаже — рядом с офисом нашего агентства. Для нее это означает протопать пешком через весь центр.

Мы сидим на террасе кафе. Говорю в основном я — Кира молча слушает и время от времени протягивает новую салфетку, которую я прикладываю сначала к мокрым глазам, потом к мокрому носу. А говорю я, что Антон — сволочь, он должен был еще немного подождать, так как я уже почти приняла решение. Нет, из агентства я пока не уйду, не знаю, получится ли работать меньше, чем сейчас, но я буду работать писателем. И еще он сволочь потому, что все время давит на меня, чтобы я, как он говорил, самореализовывалась. Мы сидим уже второй час — наши с подругой официальные перерывы закончились, но мы не уходим. Наконец я замолкаю, и через паузу Кира аккуратно произносит:

— Прости, что говорю тебе это... Но знаешь, что я слышу в твоих слезах-стонах, дорогая?

— Да?... — я замираю, так как моя подруга профессиональный психолог. И еще почти всегда очень прямолинейна. То есть в этот момент может последовать психологический удар ниже пояса, за который впоследствии, как это часто бывает, я буду ей очень благодарна, но именно сейчас захочу разорвать на части. — Что?...

— В твоих словах я слышу примерно следующее: «Любимый, жди меня вечно, ведь я не могу принять решение. Жди меня вечно, ведь я трусиха. И пока буду трусить, останови свою жизнь и жди меня. Для меня пока на первом месте агентство, так что продолжай готовить и вести хозяйство, продолжай под утро встречать меня дома, но все равно жди меня».

— Да?...

— Ну... — смягчается Кира, — я немного утрирую, но только немного. Ты сколько уже вот так р-работаешь? Два года? Три? Четыре дня в неделю приползаешь домой в шесть утра, а в субботу и воскресенье отсыпаясь, то есть тебя с ним по выходным тоже нет. Ну, вот и...

— Да?...

Я только и могу, что ошеломленно дакать, поскольку Кира первый раз говорит мне это так жестко.

— Да. Ты складываешь в одну корзину детские мечты, взрослые мечты, желания и планы по самореализации при полном и эгоистичном отсутствии внимания к собственной личной жизни. И именно игнорирование Антона из-за работы, я так думаю, а не твоя самореализация и погнала его от тебя. Работа в агентстве так тебя поглотила, что просто убила вашу пару. Притом что работу эту ты недолюбливаешь.

— Да?...

— Нелюбимая работа п-против Антона — слишком большая жертва, тебе не кажется?

— Да?...

Если бы это был боксерский ринг, я бы сейчас сама повалилась в нокаут — слова Киры стопудовыми гирями били меня по голове. Чч-черт, спасибо за «прекрасный» обед, дорогая подруга.

Звонит мобильный — мой ассистент Миша интересуется, где я и помню ли о совещании с Клиентом — представителями винного бренда, для которых мы готовим проект с Минкультом. Совещание состоится через полтора часа. Все еще всхлипывая, прошу его

позвонить Клиенту от моего имени и попросить перенести встречу на завтрашнее утро — у меня форс-мажорные обстоятельства. И добавляю, что в офис сегодня уже не вернусь — я сильно заболела. Но до завтра, надеюсь, пройдет.

Я отпускаю Киру на работу, а сама остаюсь сидеть истуканом на террасе. Стараюсь впитать то, что она только что сказала мне — словно окатила холодным душем. Потом заказываю бокал вина и огромный кусок торта, не понимая толком, хочу ли отпраздновать свой нокаут или себя пожалеть. До конца дня решаю не думать, не принимать никаких важных решений и вообще ничего не предпринимать. Только пить, есть и смотреть на прохожих.

19 июня

— Что-то ты закисла в последние дни, — говорит мне директор агентства Виктор, растягивая губы в улыбке. Как только мы с Мишей вернулись со встречи с винным Клиентом, он вызвал меня к себе в кабинет и, вероятно, приготовился ужалить. — Вчера тебя полдня не было в офисе, позавчера — весь день на кухне за чаем, на прошлой неделе — поездка в Одессу и пятничный прогул. Что происходит, дорогая?

Почему, когда мне плохо, меня все вдруг сговорились называть «дорогая»? И почему это звучит как «последняя дура»?

— Да, что-то происходит, — когда на меня давят, я могу пойти и ва-банк. — Например, то, что агентство не поощряет отпуска сотрудников и я уже третий год без отдыха. И, например, то, что агентство поощряет работу до утра.

Я замечаю, как директор напрягся — жало вместо меня вонзилось в него самого. Я прекрасно понимаю, почему он вжался в свое кресло, но он все же шипит в ответ:

— Если сотрудник сидит на работе за полночь, это говорит только о его неумении правильно организовать свою работу. Так, чтобы уходить домой, к примеру, не позже восьми вечера.

Терять мне нечего. Странное дело, когда Антон ушел, моя работа в агентстве показалась мне вдруг совершенно ненужной и бесполезной. Я и раньше несколько лет терпела ее для галочки в резюме, но почему-то сейчас даже эта галочка стала мне совершенно безразлична. Я смотрю на себя со стороны: загнанная белка в вечном колесе. Суется ради целей, совершенно чужих и бесполезных лично для нее. Реализовывает поставленные кем-то, но не ею, задачи. Гробит здоровье на проектах, которые уже через месяц ни для кого не будут иметь никакого значения. Разрушает свою семью во имя этих чужих целей и задач.

Типичный офисный планктон.

Поэтому мне наплевать, как директор отреагирует на мою следующую реплику, — высказать это следовало давно.

— Дело совершенно не в неумении конкретного сотрудника организовать свою работу. А в банальной жадности агентства. В погоне за деньгами мы участвуем во всех тендерах, нагребая проектов, под которые у нас не хватает людей, и соглашаемся писать проекты и даже беремся их реализовывать в сроки, в которые *объективно*, — я намеренно выделила это слово ударением, — невозможно ничего реализовать. И все из-за нежелания упустить прибыль. А при вечной текучке молодых специалистов у нас получается сильнейшая перегрузка опытных сотрудников. Они выгорают на работе. Но они же люди. В первую очередь.

Директор еще больше вжимается в кресло. Его лицо багровеет.

Плевать.

Я встаю с ранее предложенного мне места и смотрю на него сверху вниз.

— Ладно, подожди... Не уходи, — говорит он вдруг. Его голос изменился. Глаза из-под очков смотрят более приязненно. Он ослабляет галстук и расстегивает верхнюю пуговицу ворота. — Ты не обвиняй агентство в смертных грехах, а предложи пути оптимизации. К

примеру, как заинтересовать молодых, чтобы они стали для тебя опорой. Ну, там, возможно, серию тренингов или еще чего... Подумай. И подумай, что лично ты готова сделать для улучшения ситуации.

Хитер, подлец. Очень знакомая тактика — до тех пор пока сотрудник выгоден, его надо удерживать. И здесь есть несколько вариантов: либо еще немного потерпеть неугодного, но тем временем втайне подыскать другого кандидата, либо, если недовольный очень ценен для компании в принципе, умеет вести за собой молодых и сам может развиваться дальше, поступить совершенно наоборот — предоставить недовольному больше полномочий. То есть повысить в должности, увеличить зарплату, добавить функционала и дать больше свободы. Справится — хорошо для всех, для агентства в первую очередь. Не справится — тем более будет повод уволить.

Что директор задумал относительно меня, я не знаю. Но мне это безразлично.

— ...но не сейчас, — между тем продолжает директор. — Сейчас и правда тебе надо встряхнуться, отвлечься. Хочешь в Италию? Во Флоренцию?

Я вопросительно смотрю на него, пытаюсь понять, что задумал этот лис. Он считает мой взгляд и продолжает:

— Нет, не совсем в отпуск. У нас намечается проект с итальянским производителем бытовой техники, а у тебя уже есть опыт продвижения этой группы товаров — холодильники. Намечается годовой контракт. Пока все еще в стадии переговоров, и веду переговоры лично я. Но для лучшего ознакомления с бизнесом Клиента есть возможность поехать к нему в головной офис. Во Флоренцию. Как ты на это смотришь? Да, забыл сказать, что рабочих дней там будет два, а еще три дня будут свободными.

— Еще кто едет?

— Я, креативный директор Дарья. И ты. Если захочешь.

— Спасибо, Виктор. Я подумаю, — говорю я. — Сколько у меня времени на раздумья?

— У тебя его нет. Решение нужно принимать сегодня. Если согласна, завтра приноси документы для оформления визы.

Я выхожу из кабинета озадаченная. Мне действительно необходимо подумать. Потом быстро возвращаюсь.

— Если откажусь, ты дашь мне отпуск? Мне надо не менее трех недель.

Теперь Виктор смотрит на меня озадаченно. По-видимому, счел нахалкой.

И снова плевать.

И еще я четко осознаю, что Виктор специально обыграл все так, как будто презентует мне эксклюзивную возможность заграничной командировки. Ведь ни он, ни Дарья не говорят на английском. Во всем нашем агентстве только я закачивала иняз и свободно владею этим языком. Значит, он с самого начала собирался брать меня на переговоры.

А раз так, то решение созрело у меня молниеносно. Я и рыбку съем, и косточкой не подавлюсь: сначала поеду во Флоренцию, а затем уйду в отпуск. Если решусь на новации с молодыми сотрудниками агентства, все равно, не набравшись сил, внедрять их не буду. Бессмысленно. Да и, честно признаться, захотелось выместить свой гнев за ситуацию с Антоном на директоре — пусть знает, чья нога сейчас на педали тормоза. Не все ему тиранствовать безнаказанно. Да и тиранствуют над нами ровно столько, сколько мы сами позволяем — почему я иногда об этом забываю?

19 июня — 1 июля: Дни жестокого одиночества

Я ненавижу ждать.

Я НЕНАВИЖУ ЖДАТЬ.

Но сейчас моя жизнь одно сплошное ожидание.

Я все время жду. Жду, жду, жду... Раз за разом прикипаю к электронному ящику и жду письма. Хотя бы короткое: «я здесь», «я жив» или «я прочел». Неважно, что, я делаю, чем занимаюсь, — мои дни похожи один на другой, потому что проходят в ожидании.

Ожидание стало моей фамилией — Лана Ожидание.

Напиши мне, Антон, постоянно думаю я. Или позвони. Лучше — позвони. Пожалуйста. Выйди на связь. Я так хочу увидеть тебя и услышать твой голос. Сейчас это самое главное в моей жизни — чтобы ты подал хоть какой-то сигнал.

Знаю, что ты тоже обо мне думаешь — хотя бы изредка. Между нами всегда существовала какая-то необъяснимая связь. Мы с тобой уже сто лет знакомы, делили пространство и время, но каждый раз после разлуки (даже если эта разлука была условной — мои поздние возвращения с работы) нас сильно тянуло друг к другу. Мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, между нами пробегал ток, была какая-то особенная связь, которая казалось мне нерушимой. Помнишь, когда я несколько раз сопровождала тебя на съемках и выставках, мы не замечали никого вокруг, словно были одни?...

Твои глаза. Волосы. Голос. Руки. Смех. Забота, усталость, настроение — хорошее и не очень. Внутренняя сила и свобода. Уверенность в себе. Чужачества и легкое занудство. Вспыльчивость и некоторая категоричность. Даже твоё ворчание сейчас мне кажется милым. Я соскучилась. Очень сильно соскучилась. Безумно хочу тебя увидеть. Обнять.

До сих пор не могу поверить, что ты просто так нежданно-негаданно исчез. Я давала тебе несколько дней. Все ждала, что ты объявишься к исходу третьего дня. Даже пришла пораньше с работы, приготовила ужин и зажгла свечи, хоть и ненавижу такую банальность. Но — зажгла и ждала.

Прислушивалась к шуму лифта. Дважды у меня замирало сердце, когда лифт останавливался на нашем этаже — но это были всего лишь соседи. Выглядывала в окно, мне казалось, что вот-вот ты покажешься из-за угла соседнего дома.

Спать легла в четыре утра. Ты не пришел.

Но и спустя четыре, пять дней, неделю, полторы, сейчас — я все еще жду тебя. Купила твою пенку для бритья, похожую зубную щетку — чтобы они напоминали о тебе. Создавали иллюзию, что ты — есть.

Я жду тебя постоянно. Томительно, долго, отчаянно. По ночам просыпаюсь от шорохов — в каждом звуке мне чудисься ты. Ты открываешь ключом дверь, тихонько копошишься в коридоре, шумишь на кухне. Проходит несколько долгих секунд, прежде чем я соображаю: это бьется муха о стекло, ухаёт первый утренний трамвай или мусорщики во дворе вытряхивают баки.

Тебя все нет. Если бы я знала, где ты, я бы без раздумий к тебе побежала. День это или ночь, удобно или нет — побежала бы. Чтобы вернуть все, как было. Чтобы вернуть НАС. Дважды за эти две недели я караулила тебя у твоего дома. Приходила вечером, отсчитывала пятнадцатый этаж и ждала. Смотрела на горящие окна твоего дома, как на звездное небо в надежде увидеть свою звезду. Но ни в первый, ни во второй раз свет в твоих окнах так и не зажегся...

Ты уехал в командировку?

Во всяком случае, именно эта мысль меня сейчас поддерживает: ты уехал. А коль так, скоро вернешься и тогда обязательно позвонишь.

Я не допускаю даже мысли, что это конец. Командировка, чудовищная ошибка, странное недоразумение, все что угодно, но только не конец. Все просто не может вот так закончиться.

Да, такие отношения, как у нас с тобой, скорее всего, никогда не будут простыми. Мы будем разными, будем ссориться, что-то доказывать друг другу и не соглашаться — мы с тобой слишком разные. Но разве это так уж плохо? Возможно, это и есть та соль, благодаря которой наша с тобой жизнь никогда не будет пресной? Возможно, именно из-за этих постоянных различий мы будем дарить друг другу неоценимый опыт, будоражить друг друга и вдохновлять? Вернее, это даже не вопрос — это утверждение: именно так все и будет. Именно так это сегодня у меня и происходит. А у тебя?...

Я чувствую: химия между нами за три года не только не исчезла, наоборот — усилилась. Значит, все не просто так. Вспомни все свои другие романы, Антон: было ли *так*

у тебя когда-нибудь до нас? У меня точно не было... Знаю: наши жизни друг без друга будут сплошным враньем и притворством.

Я чувствую себя осиротевшей. Внутри с каждым днем все больше разрастается пустота. Не могу ни остановить ее, ни чем-то заполнить. Не могу избавиться, не могу спрятаться. А как у тебя?... Что ты чувствуешь где-то там, далеко от меня? О чем думаешь?... С кем ты там?... Какие люди тебя сейчас окружают?...

Выйди на связь со мной, Антош. Пожалуйста. Напиши мне или позвони. Я не верю, что тебе все равно. Я очень жду и надеюсь.

* * *

В старшей школе Антон был классическим «плохим парнем». Шумные компании пьяных подростков, много выпивки, ночные гонки на байках по городу на огромной скорости, травка украдкой на заднем дворе школы... В то время многие его школьные и дворовые приятели пробовали наркотики и посильнее. Многие потом серьезно подсели на иглу, а некоторых давно уже нет в живых.

Антон славился взрывной непримиримостью характера — делал что хотел, никого не слушал, презирал все установленные правила, за что был дважды исключен: один раз — из школы, другой — из института. Умудрился самостоятельно поступить на бюджетное обучение на сложный факультет (механико-математический) сложного вуза (Киевский политехнический институт). Поступил, потому что всегда, даже в пьяном угаре, считался способным. «Твоим бы талантам еще бы голову», — хором вздыхали мать и школьные учителя.

В студенчестве Антону и вовсе, что называется, крышу снесло. На лекциях не показывался, вместо этого каждое утро помногу часов проводил в спортивном зале на тренировках по самбо. Вскоре все его тело налилось железом, кулак стал угрожающим, а удар — смертельным и легко отключал даже самого задиристого оппонента. Далее — налеты на ночные магазины, разбой и стремительное исчезновение в темноте улиц — только рев мотора его байка да легкий привкус бензина на губах у растерянных продавцов. Ни один городской праздник не обходился без жестокой драки с участием Антона прямо на центральной площади города. Израненные тела, расквашенные носы, дрожащие окровавленные руки... Собственные окровавленные руки Антон однажды умудрился помыть прямо в городском фонтане, чтобы остановить кровь. Руки опухли, началось заражение. Три месяца на больничной койке, многонедельные рыдания матери, заведенное дело в милиции, «душевный» разговор с лейтенантом, административный штраф и угрозы упечь за решетку надолго, если нечто подобное повторится. Антон понимал: ему повезло. Ведь если бы в милицию заявили все те, кто дрожал при звуке его байка по ночам, за решетку его упекли бы немедленно. А так — повезло.

(Когда мы только познакомились, мама, которая уже догорала, так мне и сказала: «С кем ты сошла? Ты еще намучаешься с этим уголовником»).

Когда ему было двадцать, он сам попросился в армию, несмотря на обязательную военную кафедру на его факультете. Просто пришел в военкомат и сказал: «Берите», чем немало озадачил армейских офицеров — обычно парни изо всех сил стараются откосить. Когда майор во вверенном ему участке проверил парня на физическую крепость, удивился еще больше: основная причина «откоса» всех нынешних новобранцев — хлипкое здоровье. Этот же здоровяк не только бил все установленные нормативы, но и подначивал: «Берите в самые сложные войска. В условия пожестче».

Напоследок майор задал лишь один вопрос:

— Почему?

— Я — угроза для спокойствия матери. Надо залечь на дно.

Майор понимающе кивнул и постановил: явиться через две недели. Десантные войска. Житомирская область.

Средний новобранец в Украине служит год-полтора. Антон провел в армии два с половиной. И новую смену набрать не могли, да и сам он на дембель не торопился.

Нельзя сказать, что «армия сделала из него достойного человека», как сказал бы отец Антона (если бы с ними жил. А так у него уже полтора десятка лет была другая семья, и отношения между отцом и сыном сводились лишь к поздравлениям с днем рождения и часовой проповеди на тему, как важно стать достойным человеком. «Отстойным человеком», — всегда язвил Антон в ответ). Да, на учениях Антон подрастерял дурной адреналин молодого самца — ежедневные изнуряющие тренировки, основной рацион солдата перловая каша, сотня прыжков с парашютом с вертолета на высоте километра, выживание в экстремальных полевых условиях и общий уклад системы («дебилизм системы») заставили его притихнуть.

Но только внешне.

Теперь вся его энергия направлялась внутрь себя: что он такого должен сделать, чтобы спрыгнуть с системы? Что он может сделать прямо сейчас, чтобы перестать быть винтиком огромного механизма под названием «обычная повседневность», этого огромного жернова, перемалывающего всех и вся? За что зацепиться? Как сойти с этой гонки, ведущей точно к смерти и с каждым годом ускоряющей свой бег?

— Когда же ты остепенишься и женишься, сынок? — бывало, говорила в то время мать.

Совершенно невпопад. Абсолютно не чувствуя настроений сына. Антон старался быть снисходительным к матери, но все же, уходя от докучливых вопросов — вполне обычных для матери, стал избегать ее.

На последние копейки снял самую дешевую квартиру, которую только смог найти в Киеве, и затих.

Несколько последующих лет ушли на вопросы и поиски ответов. Антон заставил себя заочно окончить институт — просто потому, что ненавидел незавершенные дела. Чувствовал: они крадут у него энергию, не давая двигаться дальше.

Ночами разгружал вагоны с мукой и углем, днем разносил рекламные листовки по почтовым ящикам. Работал охранником издательского дома и ночного клуба, изучал компьютер и принципы заработка в Интернете. Влез в несколько компаний по сетевому маркетингу и почти год носился с баночками с волшебными пилюлями против всего на свете. Создал свой магазин по доставке этих самых пилюлек, а заодно и множества другой дребедени.

Но все это было не то. Антон четко осознавал: он ни на йоту не продвинулся к свободе, он все еще — часть гонки, которая его раздражает. Впрочем, «ни на йоту» — не совсем корректное определение. Антон четко усвоил правило, которое сделал главным принципом на многие годы: можно постоянно носить воду коромыслом, а можно построить водопровод. Он понял, что путь к желанной свободе лежит как раз через «постройку водопровода» — создание финансовых потоков, которые несли бы ему деньги, даже если он спит до обеда. Работа на разгрузках-погрузках, задача рекламных проспектов, продажа баночек, охрана бара — это жизненные коромысла. Пока гнешь спину или тратишь время — копейки (но не больше) в кармане звенят. Как только остановился — все, краник перекрыт, денег нет. Постройка «водопровода» нужна для того, чтобы освободить драгоценное время и уделять его тому, что действительно интересно.

Антон пока еще не нашел, что именно ему интересно, но сама мысль о том, что, если ему понравится работать водителем троллейбуса, кондуктором или заделаться первоклассным плиточником-штукатуром и при этом иметь круглый счет в банке, его очень забавляла. Миллионер, свободный в своем жизненном выборе, — не к этому ли надо стремиться?... Кондуктор или штукатур — это сейчас совершенно не важно. Ведь когда у тебя есть возможности, можно посвятить себя любым делам. Интересным или значимым и полезным: очищать городские парки и пляжи от столетнего мусора (Антон иногда даже представлял себя в сером грубом фартуке с дворницкой метлой руках), очищать Днепр от

многолетней грязи, помогать молодому таланту засветиться или финансировать важное научное открытие.

Да, тайком Антон признавался себе, что хочет прославиться. Только вот о плохой славе, как в юности, он уже не помышлял — перерос. Не то это было, так — малолетство и гормоны. Но и думать о славе ради славы ему было странно — мелко, что ли. Ему были непонятны все те участники телевизионных шоу, которые выпендриваются на сцене, а затем, по окончании телепроекта, чтобы их не забыли, устраивают пьяные дебоши или многократно женятся-разводятся, лишь бы только попадать на страницы СМИ. Это пошло, думал Антон, недостойно жизненной цели. И очень часто в конечном итоге ведет к деградации.

Антон искренне не понимал горячего стремления других стать «звездой» — моделью или актером, о более глупых занятиях в жизни он и подумать не мог. Он практически ежедневно видел, как модели проводят свои дни: однообразные и многократные повторения одних и тех же жестов на съемочной площадке, иногда при экстремально низких температурах в одних лишь трусах и на каблуках или в песцовых шубах, шапках и сапогах — при невыносимой жаре. В перерывах, пока непосредственно процесса съемки не было либо съемочная группа была занята другими моделями, незанятые откровенно скучали, не зная, чем заняться: играли в игрушки на своем телефоне, вели ленивые разговоры ни о чем по мобильному или между собой или дремали.

«И в этом вся их жизнь? — думал Антон, с неприязнью поглядывая на моделей (в то время он уже работал помощником на съемочной площадке). — Жизнь в том, чтобы тебя считали вешалкой для одежды и куклой для тонн вечно расплывающегося макияжа, лишь бы только твое лицо украсило страницы какого-то журнала (и о такой жизни мечтают половина подростков!)?»

Не лучшего мнения Антон был и об актерах. Что заставляет человека постоянно проживать чужую — не свою — жизнь? Испытывать чужие эмоции? Примерять чужие ситуации? Что?... Собственное эмоционально бедное и никчемное состояние? Скука? Унылость и однообразие собственной жизни? Если так, думал Антон, то разнообразь свою жизнь событиями — теми, которые тебе самому важны и интересны. Которые для тебя самого станут ценными. Попробуй пожить не понарошку, на сцене или на экране телевизора, а взаправду. Испытай свои собственные эмоции. Получи свой собственный опыт. И эта никчемность собственной жизни, размышлял Антон, у актера стократ усиливается на съемочной киноплощадке. Ведь здесь, как и у моделей, приходится один и тот же эпизод переснимать помногу раз, а значит — ИЗОБРАЖАТЬ одни и те же — ЧУЖИЕ — эмоции по многу-многу раз. Много раз ненатурально смеяться или без причин рыдать. Десятки раз не по-настоящему спасать или гибнуть. Притворно любить или дюжину раз фальшиво трахаться.

Извращение.

(Впрочем, еще через пару лет Антон все же откажется от категоричности этого суждения: став профессиональным фотографом и режиссером, он и сам начнет откусывать куски пирога под названием «шоу-бизнес», а бо льшую часть заработанных денег — экономить. Он понял, что шоу-биз — это такое же ремесло, как кондуктор троллейбуса или плиточник, которое, впрочем, позволяет зарабатывать в разы больше этих обоих вместе взятых. Помня о своей цели — построить водопровод и жить так, как хочется, он открыл банковские депозиты для собственной безбедной жизни и вкладывал в «фонд имени себя», как он это называл. Пока, правда, этот фонд представлял собой второй банковский депозит, который Антон регулярно пополнял, и вскоре на нем скопилась круглая сумма.)

А еще Антону хотелось увидеть мир. Не просто курорты Турции, Египта, Черногории или Таиланда, столь популярные среди знакомых, а больше. Очутиться дальше — выше или глубже.

Запечатлеть необыкновенную красоту планеты. Замирать при виде ее великолепия и совершенства. Ведь в конечном счете, думал Антон, наша Земля — это и есть самое красивое, законченное и гармоничное, что только существует. Она подчинена самым

непостижимым законам, рождает и поддерживает нашу жизнь. Триллионы лет назад родилась от мощного взрыва, миллиарды лет была облаком космической пыли, миллионами лет формировала атмосферу, воду — жизнь. Связана пуповиной со всей Вселенной и каждым из нас, живущих здесь. Ядро планеты и сегодня вращается, поддерживая гигантские температуры и мощное магнитное поле. Мантия под земной корой, по которой мы все ходим, думал Антон, и сегодня движется и формируется, и эти колоссальные энергии ощущают все — волнения океанов и материков, цунами и землетрясения. Мы думаем, что оседлали эту энергию — энергию Земли, самоуверенно полагаем, что являемся венцом природы и вершиной эволюции, но Антон всегда знал и чувствовал: НЕТ. Мы — вирус, распространяющийся стремительно и бесконтрольно, и самовольно и безнаказанно эксплуатируем и истощаем недра Земли.

С чего мы взяли, что можем выкачивать нефть и газ, разрушать озон и отравлять атмосферу? Почему считаем, что можем без последствий рубить вековые леса и поворачивать реки вспять? Исчерпывать запасы пресной воды и уничтожать океаны?...

Все эти бесчинства — войны за топливо и мировое господство, погоня за сверхприбылями, эксперименты с ядерными реакциями и бесконтрольная безнаказанность в отношении Земли — даром не пройдут. Ни для кого.

Все — заложники благополучия планеты.

Хоть Земля и работает мощно и, кажется, так будет длиться вечно, мало кто задумывается, размышлял Антон, насколько она уязвима. Для того чтобы такой вирус, как человечество, зародился и распространился, в космосе удивительным образом совпали редчайшие факторы: и удаленность Земли от Солнца, и скорость вращения на орбите и вокруг оси, и сила магнитного поля, и много еще чего другого, чего Антон не знал. Но даже эта скудная информация, почерпнутая из справочников и википедий, значила лично для него очень много: она удивляла, восхищала, будоражила, вселяла трепет. И заставляла беречь.

Все то, что узнавал, Антон явственно ощущал и сам.

Он обожал рассматривать звездное небо. Искать знакомые созвездия и удивляться мощи Млечного Пути. Представлять массивы миллионов галактик и восхищаться колоссальными просторами и энергиями в космосе.

Все то, что видел, все, что его волновало и восхищало, все, что приводило в восторг или заставляло задуматься, все это ему хотелось запечатлеть, продлить, удержать — и он фотографировал все больше и больше. Часто на следующий день, когда он сравнивал звездное небо со вчерашним снимком, оно было уже не таким. Не повторялись волны моря, не так лежали дюны в Сахаре, всегда другим был узор горящего пламени. Вроде бы все похоже, но все же не так, как вчера. Каждое мгновение больше не повторялось — Антон это знал и видел. Никогда. Ничего нельзя было вернуть, повернуть вспять или воссоздать. Можно было только запомнить — запечатлеть.

Вскоре снимки заполнили все пространство его квартиры, а еще чуть позже — стали основой того самого «водопровода», который начал его кормить. Антон постепенно научился продавать свои фотографии — авторские права на них. И поставил наконец первый плюс в своем дневнике.

Когда мы с ним встретились, у него таких плюсов набралось с дюжину. Он все меньше работал по необходимости, все больше — с воодушевлением и по зову сердца. «Мое призвание — небо, ветер, огонь, вода и земля», — бывало, говорил он. Тогда я не вполне понимала, что он имел в виду, скорее интуитивно ощущала: он был уже вне границ повседневности. В нем, самой его сущности и жизни, было больше удовлетворения, радости и свободы.

Свободы. Он уже мог жить так, как хочется.

И удивительное дело: Антон был очень непритязателен в своих запросах и потребностях. Ни бездумных трат, ни сумасшедших загулов. Ни дурной ругани, ни высокомерия, ни надменности по отношению к другим, ни чванства, ни спеси. Простота, скромность, умеренность. Ощувив наконец свободу, он как-то абсолютно серьезно мне

заявил: «Не хочу быть вирусом».

Жизнь и рассуждения Антона для меня всегда служили примером.

Пятница, 2 июля: Время Италии. Флоренция

Флоренция прекрасна.

Как и вся Италия целиком — кусочек счастья посреди Средиземного моря. Эта страна мне кажется раем на земле: обласкана солнцем, морем, землей, горами, кухней, культурой, историей, археологией — всем тем, что меня всегда притягивало. В Италии женщина всегда чувствует себя Женщиной, а ребенок — любимым и счастливым. Италия была первой страной, в которую я попала, и до сих пор для меня с ней ничто не может сравниться. В мечтах я иногда представляю, как мы с Антоном нянчим внуков именно здесь, в Италии — где-нибудь на побережье Сорренто (а Одесса, признаться честно, лишь запасной вариант, который попроще в реализации)...

В Италии очень много маленьких городков, где узкие мощеные улочки сбегают от бескрайних виноградников к морю, где всегда уютно пахнет кофе, где ничего не меняется столетиями, разве что деревья становятся чуть ветвистее и толще. Здесь есть и вечные города, оставившие в истории невероятный след — Флоренция, Рим, Венеция... Когда я брожу по улицам Флоренции, иногда не в силах остановить пусть пафосные, глуповатые и неуместные, но совершенно искренние слезы: этот город-музей дал миру Да Винчи, Микеланджело, Галилея и многих других.

Поток моих мыслей прерывает Дарья. Она растерялась, когда на паспортном контроле в аэропорту пограничник ее о чем-то спросил.

— Лана! Эй, Лана! — кричит она с круглыми, как блюдце глазами. — Спроси, что он хочет. Он о чем-то спрашивает, я не пойму...

Я всегда наблюдаю эту метаморфозу, как теряются все, даже самые высокомерные и напыщенные, из-за языкового барьера и смотрят на меня просяще, мол, помощи с переводом.

Подхожу к кабине, за стеклом которой сидит темноволосый пограничник в очках и недружелюбно смотрит на Дарью, а теперь и на меня тоже, и культурно обращаюсь, дескать, не могу ли быть чем-нибудь полезна.

— Возможно, — недовольно отвечает очкарик. — Меня интересует цель ее приезда.

Я хоть и знаю ответ, но этикет переводчика диктует мне перевести слова пограничника Дарье, а затем ее ответ офицеру погранслужбы.

— Скажи, что приехала проституцией заниматься, — язвит недовольная Дарья и криво усмехается. Она уже пришла в себя и теперь негодует из-за того, что ее остановили. — Зачем сюда едет половина наших соотечественниц?

— Не советую, — одергиваю я Дарью и чувствительно наступаю ей на ногу своим каблуком, жестикулируя, чтобы она замолчала и не провоцировала пограничника («Господи, ну и дура же!»).

Но поздно.

Офицер, по-видимому, прекрасно уловил слово «проституция» — оно звучит на всех языках одинаково.

— Сколько вас? — кивает он мне. — Трое? Пройдите со мной.

Закрывает свой пост и жестом приглашает нас следовать за собой. Мы оказываемся в небольшой комнате с флагом Италии, двумя столами, несколькими стульями и кулером с питьевой водой. Пограничник показывает нам на стулья и объясняет задержание необходимостью установить наши личности. Далее просит приготовить паспорта — полиция снимет с них копии.

— И какова процедура установления личности?

— Будем связываться с консульством в Киеве и выяснять, на каком основании вы получили визы.

Когда он уходит, Виктор свирепо смотрит на Дарью, видно, что он очень хочет ей что-

то сказать, однако сдерживается. Та опускает глаза. Я тоже молчу.

Мы не должны сидеть здесь долго, размышляю я. В Италию нас пригласила известная компания с серьезной репутацией, все необходимые документы оформлены, гостиница забронирована и проплачена, обратные авиабилеты на руках. Единственная сейчас возможная задержка — это консульство. Если кто-нибудь действительно будет звонить туда, то пусть лишь оно сейчас работает, ведь сегодня пятница и уже почти пять вечера.

Вообще-то, Виктор и Дарья — не только первое и второе лица в нашей компании, но и пара. Они вместе живут, хоть в агентстве уже давно сплетничают, что между ними не все гладко. Поговаривают даже, что Дарья подумывает об открытии собственного агентства за спиной у Виктора. И если это правда, можно легко догадаться, откуда она возьмет своих первых клиентов.

Лично я не захотела работать вместе с Антоном. А такой опыт у нас был — и не вполне удачный. Тогда это вызывало сплетни и кривотолки за нашими спинами. И в целом, думается мне, совместная работа почти всегда автоматически означает постоянные совещания — и в офисе, и дома. А там, глядишь, кроме работы и разговаривать станет не о чем (слава богу, до такой стадии мы с Антоном не дошли). Тем более мне не нравится ситуация, когда мой парень является еще и моим непосредственным боссом. Здесь мне даже неудобно поставить себя на его место: работа есть работа, и бывают разные моменты, а боясь обидеть сотрудника, ни задачу толком не поставить, ни распоряжения отдать, ни настоять как главное ответственное лицо на том, что считаешь правильным... Пара обречена стать начальником и подчиненным, и если кого-то это не устраивает — расстанется.

Виктор и Дарья, похоже, попали в ловушку совместной работы. И мне снова пришло в голову, что я здесь неслучайно — но вовсе не потому, что буду играть роль переводчика. А как гарантия того, что эти двое скоростижно не расстанутся и компания переживет их командировку.

Дарья тем временем говорит:

— Мало того что надо пройти через массу унижений — показать все мыслимые и немыслимые справки: о браках, доходах, расходах, — так еще и невозможно толком пройти паспортный контроль. Это возмутительно! Мы же нормальные люди и никакого отношения к нелегалам, желающим остаться здесь, не имеем.

— И вообще, — чуть позже раздраженно добавляет Дарья, — я хочу кофе. Но вынуждена сидеть здесь по их милости, черт их побери.

— Вот и помалкивала бы, идиотка!.. Никто тебя за язык не тянул, — шипит ей в ответ Виктор. Они уже даже не удосуживаются при мне изображать взаимопонимание.

Я слушаю вопли Дарьи молча. Меня, признаться, всегда раздражала позиция «это все они, я здесь ни при чем». Они нас задержали, они нас не выпускают, они выставляют бюрократические преграды при получении визы... Они, они, они. А я — белая и пушистая, поэтому мне все всё должны. Должны глупые шутки-провокации пропускать мимо ушей, должны сами пригласить в их перенаселенную страну, столь лакомую для иммиграции, должны предоставить кофе. Должны. Странная позиция — «мне должны». Нелепая и небезопасная. И вовсе не потому, что есть риск напороться на вот такого несговорчивого пограничника.

Спустя три часа сидения в аэропорту и получасовой поездки в город мы наконец поселяемся в отель. Наш «Бончиани» расположен в двухстах метрах от главной площади Дуомо с самым грандиозным собором Флоренции Санта-Мария-дель-Фьоре, колокольни и баптистерия.

Пятница, вечер, впереди несколько свободных дней в сердце Тосканы, а значит меня ждет много прекрасной архитектуры, великолепных скульптур, достояния галереи Уфицци, романтики моста Веккьо и красавицы реки Арно, превосходной кухни и отличного вина.

И ни одной мысли об Антоне: даю себе слово. Мне нужна передышка.

Виктору и Дарье я объявлю, что использую свое законное право на три свободных дня — два дня и один вечер, если точнее. С ними я решила не церемониться.

Когда через час мы с Виктором и Дарьей встретились в лобби отеля, я говорю им:

— Ну, все, коллеги, наши пути до понедельника расходятся. Вам — туда, мне — сюда, — я активно жестикулирую, показывая, куда именно собираюсь направиться. И уже делаю шаг в сторону выхода, всем своим видом показывая, что это решенный вопрос и переговоров не будет.

— погоди, — окликает меня Виктор. Вижу, что мою манипуляцию «мы с вами отдельно» он раскусил, но отдать мне прямое начальственное распоряжение, чтобы я их сопровождала в свое свободное время, обещанное им самим, по-видимому, духу не хватает. Поэтому он тоже хитрит, делая тон вкрадчиво-просящим: — Может, ты нам поможешь освоиться? Сходим в ресторан, вместе поужинаем, а потом каждый пойдет гулять, куда захочет.

Когда долгое время работаешь офисным планктоном, интриги коллег или боссов, откровенные и завуалированные манипуляции и желание заставить сделать так, как им выгодно, видишь невооруженным глазом. Фактически пребывание в офисе становится игрой «кто кого»: кто кого поставит на место, нежно или не очень заставит что-либо сделать, явно или неявно выставит в выгодном (или невыгодном) свете, кто кого подсидит и так далее. Зачастую для успешного функционирования в офисе преуспеть в этом искусстве не менее (а нередко и более) важно, чем показать себя профессионалом своего дела. Я все это ненавижу — ни когда манипулируют мной, ни когда это приходится делать самой. Хотя, если быть уж до конца откровенной, манипулировать самой мне все же нравится больше, поскольку это априори более выигрышная позиция. Да и заставляю я, явно или скрыто, кого-то сделать то, что надо, не в своих личных целях, а почти всегда «во имя проекта». Так я себя, во всяком случае, оправдываю.

Настороженные глаза Виктора и контрастирующий со взглядом вкрадчивый тон просьбы помочь заказать в ресторане ужин уже включают меня в эту игру «кто кого», и я соглашаюсь. Но одновременно задумываюсь, какую выгоду или уступку от директора мне можно потребовать в ответ.

Мы идем в сторону piazzetta Duomo. Меня страшно тянет пробежаться по улицам, за которыми я соскучилась за четыре года со времени последнего приезда, обойти вокруг и провести рукой по старинной кладке третьего по величине собора мира, заглянуть на площадь Синьории, проведать церковь Санта-Кроче, где покоятся Да Винчи, Макиавелли, Микеланджело, взобраться на холм — на piazzetta Микеланджело, откуда Флоренция видна как на ладони... Но у Дарьи снова круглые как пятаки глаза от флорентийских бутиков и надписей «Sale 70 %», а Виктор смешно шевелит ноздрями и одновременно прикрывает глаза, втягивая в себя ароматы, доносящиеся из кондитерских и тратторий, мимо которых мы проходим. Стекла его очков блестят на вечернем солнце.

Я наблюдаю за ними двумя, и мне наконец приходит на ум выгода: если я сегодня дарю им свой вечер, то в воскресенье махну в Рим. На целый день. За счет компании. Эта мысль рождается совершенно неожиданно, но чем больше я ее обдумываю, тем больше она мне нравится. Я уже несколько раз бывала в Италии, но в отличие от Флоренции посетить Рим, этот чудесный город на семи холмах, мне не довелось. Пару дней назад, накануне отъезда, когда я встретилась с Кирой и поделилась планами о предстоящей командировке в Италию, которая отвлечет меня от мыслей об Антоне, подруга мечтательно закатила глаза и изрекла: «Иногда мне вовсе без причин, без повода так хочется чего-то вечного и прекрасного... Так хочется в Рим».

Решено — Рим!

А Виктор и Дарья тем временем начинают ссориться:

— Бутиков со скидками полным-полно в Киеве. Мы же сюда не на шопинг приехали, — шипит Виктор гневно, обращаясь к Дарье, но демонстративно глядя в другую сторону. К слову, в последнее время, «шипеть» и «Виктор» почему-то сплелись в моем мозгу в стойкую ассоциацию.

— А тебе лишь бы поесть. Ты постоянно думаешь только желудком, — не лезет за

словом в карман Дарья.

Мне совершенно неинтересно быть миротворцем при этой парочке, но если уж я дарю им этот вечер, то не хочу присутствовать при выяснении отношений. И еще: я, как и Дарья, тоже заинтригована флорентийскими бутиками и вовсе не прочь быстро пробежаться по ним (пока чтобы просто поглазеть). Поэтому говорю Виктору:

— Сразу за углом, если пройти в арку, — trattoria, насколько я помню. Причем в ней едят преимущественно местные, а не туристы, а значит и кухня, и цены соответствующие. Предлагаю поужинать там. А преодолевая эти двести метров до еды, мы можем быстро заглядывать в бутики и сканировать их взглядом, что здесь есть интересного, чтобы потом вернуться.

Виктор и Дарья напряженно молчат. И тогда я решаю добавить все то, о чем только что думала:

— Вообще, я очень не хочу присутствовать при ваших ссорах и сглаживать углы, так что будьте добры. И после этого ужина наши с вами дороги расходятся — у каждого свои маршруты.

Интересное дело: вся эта ситуация — с Антоном, с этой поездкой, с ощущением того, что позволяю себя использовать, — разозлила меня, и теперь мне совершенно все равно, что обо мне подумают другие, в частности эти двое — боссы агентства. Более того, прямолинейность и высказывание напрямик собственных пожеланий и интересов мне очень нравится. Нравится быть злой — в этом состоянии, оказывается, много свободы!..

Мы с Дарьей заходим в ближайший обувной магазин и озираемся на пороге. Виктор остается на улице.

Пока я оглядываю полки, Дарья умудряется примерить первые туфли — на одной ноге у нее уже напялено что-то невероятно розовое с пухом и стразами. Она откидывается на диване на локоть и, словно открытый шлагбаум, выставляет одну ногу вверх.

— Ну как?

В это время стеклянная дверь магазина резко распахивается и с улицы забегают парень — худой, с заросшим лицом и всклокоченными темными волосами. У него массивные очки от солнца, поэтому черт лица не разглядеть. Темноволосый в прыжке подскакивает к Дарье, хватая ее сумочку, которую та беспечно отложила в сторону, чтобы не мешала любоваться розовым пухом на ноге, и выбегает на улицу. Через пару мгновений парень смешивается с толпой многочисленных туристов. Изумленная Дарья остается сидеть с одной поднятой над головой ногой. Ее рот открыт, а глаза вглядываются в толпу зевак, гуляющих по улице. Затем глаза сужаются, нога падает и Дарья вопит:

— О боже! Что это? Где Виктор?! Меня ограбили!

В окно витрины видно, как к магазину подходит Виктор и жестикулирует, мол, ну что вы там, когда закончите? «Пора в trattoria» — крутит пальцем Виктор, изображая «за углом».

После его появления Дарью подбрасывает на диване, и она в одной розовой туфле вылетает на улицу, отталкивает удивленного Виктора и бежит в направлении, в котором скрылся грабитель.

— Сос! — кричит Дарья. — Меня ограбили! Сумка! Держите вора!

Я тоже выбегаю на улицу и вижу, как Дарье удается выследить вора — теперь среди толпы туристов и зевак видно удаляющегося темноволосого парня и бегущую за ним Дарью. Надежды нет, но я тоже бросаюсь вслед за этими двумя — такой наглый грабеж среди бела дня просто возмутителен. И еще неизвестно, что Дарья носила в своей сумке: а что если там паспорт и другие документы?...

Тем временем темноволосый подбегает к мопеду, прислоненному к стене баптистерия, и, оседлав его, скрывается в одной из узких запутанных улиц Флоренции. Подоспевшая через пару секунд Дарья гневно стучит розовым каблуком по тому месту, где только что стоял мопед, и рассерженно сплевывает. От некупленной розовой туфли отскакивают пара стекляшек, катятся по мостовой и остаются там лежать, сияя на закатном солнце.

Я подбегаю к Дарье, почти одновременно со мной подскакивает Виктор. Мы растеряны. Лоб Виктора рассекают две резкие вертикальные морщины.

— Как это случилось?

Дарья рассказывает.

— А у тебя в сумке...?

— Да...

Да, у Дарьи в сумке был паспорт с визой, авиабилеты в Киев для нее и Виктора, кошелек с наличностью (сумма небольшая) и банковские карты (сумма большая). Мобильный телефон.

У Дарьи в сумке было все.

Мы сидим на ступенях траттории, Виктор кричит на Дарью, Дарья кричит на Виктора и плачет. Остаток вечера проводим в звонках в банки для блокировки карт и в авиакомпанию для восстановления обратных билетов — это все, что мы сейчас можем. Паспортом должно заниматься консульство, а оно до понедельника закрыто. Завтра с самого утра мы решаем идти в полицейский участок и писать заявление о грабеже. Это не поможет нам найти преступника, однако наверняка должно помочь в идентификации личности и восстановлении документа для пересечения границы.

Теперь пора поесть, и мы заходим в тратторию.

А еще через два часа сильно повеселевшая от тосканского вина, моцареллы и рыбы на гриле Дарья сообщает, что ей пора в номер, иначе она скоро потеряет лицо.

Из траттории мы выходим в обнимку, пошатываясь, громко и пьяно хохоча. Перед тем как вернуться в отель, размякшая Дарья возвращается в бутик и, протягивая растерянной продавщице потрепанную розовую туфлю, нескладно то ли ругается, то ли извиняется.

— Спасибо, синьорина, мы уже хотели заявлять в полицию, — перевожу я ответ продавца.

— Идите к черту!.. Меня ограбили. И-ик!..

— Сожалею, но туфля в плохом состоянии, вам придется за нее заплатить.

Виктор молча платит за пух и стразы, выволакивает Дарью из магазина и тащит в отель.

— Завтра я еду в Рим! — кричу я им вслед. — Потрачу свои командировочные!..

Когда их проглатывает массивная дверь отеля, я наконец остаюсь одна и решаю прогуляться по своему любимому маршруту во Флоренции. Теперь, правда, вечернему.

Суббота, 3 июля: Флоренция

Без десяти восемь утра мы уже подходим к полицейскому участку. Он еще закрыт. Кругом безлюдно.

Справа нарастает гул. По узкой улочке, с трудом продвигаясь между близко расположенными фасадами домов, пробирается поливочная машина — освежить город, пока июльская жара не разморила все вокруг. Издали складывается впечатление, что машина продвигается ползком — настолько ей узко и некомфортно среди великолепия пятисотлетних зданий.

Когда машина оказывается рядом с нами, кованые ворота полицейского участка открываются, затем отворяется массивная дверь во дворе. Спасаясь от брызг, мы буквально впрыгиваем внутрь здания, которое ранее не иначе служило дворцом. Сегодня мы первые посетители.

— Слушаю вас, — обращается к нам по-итальянски карабинер.

— Вы говорите по-английски? — спрашиваю я.

— Немного. Слушаю.

Я сажусь за стол напротив полицейского (Виктор с Дарьей сидят на стульях чуть поодаль) и рассказываю, что Дарью вчера ограбили в магазине обуви по улице Панзани, 22. Примерно в девятнадцать тридцать вечера. И добавляю детали: как все произошло, что